

СМАЛЬТА

Международный научно-практический
и методический журнал

№ 2, 2019

Андронникова Ольга Олеговна
главный редактор,
кандидат психологических наук, доцент,
декан факультета психологии, профессор

Редакционная коллегия

Шпехт М. В. – зам. главного редактора, руководитель Центра практической психологии факультета психологии (Новосибирск, Россия);
Дмитриева Н. В. – д-р психол. наук, проф. (Санкт-Петербург, Россия);
Буторин Г. Г. – д-р психол. наук, доц. (Челябинск, Россия);
Яницкий М. С. – д-р психол. наук, проф. член-корреспондент САН ВШ (Кемерово, Россия);
Серый А. В. – д-р психол. наук, доц., проф. (Кемерово, Россия);
Халфина Р. Р. – д-р биол. наук, проф. (Уфа, Россия);
Маврина И. А. – д-р пед. наук, проф. (Омск, Россия);
Федосеева И. А. – д-р пед. наук, проф. (Новосибирск, Россия);
Майер Б. О. – д-р филос. наук, канд. физ.-матем. наук, проф. (Новосибирск, Россия);
Пушкарёва Е. А. – д-р филос. наук, проф. (Новосибирск, Россия);
Изгарская А. А. – д-р филос. наук, проф. (Новосибирск, Россия);
Хох И. Р. – канд. психол. наук (Уфа, Россия);
Буравцова Н. В. – канд. психол. наук, доц. (Новосибирск, Россия);
Перевозкина Ю. М. – канд. психол. наук, доц., проф. (Новосибирск, Россия);
Прюс Ф. – д-р педагогики, проф. (Грайфсвальде, Германия);
Стельмах С. А. – канд. психол. наук (Усть-Каменогорск, Казахстан);
Паньшина Т. В. – канд. пед. наук, доц. (Усть-Каменогорск, Казахстан)

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Новосибирский государственный педагогический университет»

© ФГБОУ ВО «НГПУ», 2019
Все права защищены

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций ПИ № ФС77-75683 от 26 апреля 2019 г.

Журнал размещен в Научной электронной библиотеке и включен в базу данных «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ)

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПСИХОЛОГИИ И ДРУГИХ НАУК О ЧЕЛОВЕКЕ

Буравцова Н. В. Возрастной кризис старости как детерминанта аутодеструктивного поведения	5
Ганпанцурова О. Б., Помагаева А. Н. Фантомные боли как психологический феномен.....	11
Ермолова Е. О., Тютюникова Н. В. Значение сетевой коммуникации и виртуального интернет-пространства в жизни человека и развитии личности.....	16

АКТУАЛЬНЫЕ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПСИХОЛОГИИ И СМЕЖНЫХ НАУК

Андронникова О. О. Факторный анализ различных параметров материнского отношения к детям раннего возраста, детерминирующего виктимизацию	25
Мищенко В. Ф., Мозолева Н. В., Соколов Ю. В. Изучение копинг-стратегий волонтеров отделения паллиативной помощи.....	34
Перевозкин С. Б., Перевозкина Ю. М. Специфика личностной структуры студентов с высоким социальным интеллектом	41
Ярышева А. А., Кожемякина О. А. Особенности формирования гендерной идентичности у подростков, воспитывающихся в условиях депривации	53

ПРАКТИЧЕСКИЕ РАЗРАБОТКИ В ОБЛАСТИ ПСИХОЛОГИИ И СМЕЖНЫХ НАУК

Радзиховская О. Е. Технологии работы с паническими атаками	60
--	----

НАУЧНЫЙ ДЕБЮТ (СТАТЬИ СТУДЕНТОВ, МАГИСТРАНТОВ, АСПИРАНТОВ).

Фелькер Д. Э. Взаимосвязь акцентуаций характера и межличностных отношений у подростков с нарушением речи	69
--	----

Журнал основан в 2014 г.
Выходит 4 раза в год
Электронная верстка И. Т. Ильюк
Редактор Е. А. Бутина
Адрес редакции:
630126, г. Новосибирск,
ул. Виллойская, 28, т. (383) 244-06-62

Печать цифровая. Бумага офсетная.
Усл.-печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 6,8.
Тираж 300 экз. Заказ № 129.
Формат 70×108/16.
Цена свободная
Подписано в печать 10.12.2019
Отпечатано в Издательстве НГПУ

SMALTA

International scientific-practical
and methodical journal

№ 2, 2019

Andronnikova Olga Olegovna
Editor-in-chief,
Cand. of Psychology Sciences,
Associate Professor,

Editorial board

Shpekht M. V. – Assistant Editor-in-chief, Head of the Center for Practical Psychology of faculty of psychology (Novosibirsk, Russia);
Dmitrieva N. V. – Dr. of Psychology, Professor (St. Petersburg, Russia);
Butorin G. G. – Dr of Psychology, Associate Professor (Chelyabinsk, Russia);
Yanitsky M. S. – Dr of Psychology, Professor (Kemerovo, Russia);
Sery A. V. – Dr of Psychology, Associate Professor (Kemerovo, Russia);
Khalfina R. R. – Dr of Biological Sciences, Professor (Ufa, Russia);
Mavrina I. A. – Dr of Pedagogy, Professor (Omsk, Russia);
Fedoseeva I. A. – Dr of Pedagogy, Professor (Novosibirsk, Russia);
Mayer B. O. – Dr of Philosophy, Ph.D. in Physics and Mathematics, Professor (Novosibirsk, Russia);
Pushkareva E. A. – Dr of Philosophy, Professor (Novosibirsk, Russia);
Izgarskaya A. A. – Dr of Philosophy, professor (Novosibirsk, Russia);
Khokh I. R. – PhD in Psychology (Ufa, Russia);
Buravtsova N. V. – PhD in Psychological Sciences, Associate Professor (Novosibirsk, Russia);
Perevozkina Yu. M. – PhD in Psychological Sciences, Associate Professor (Novosibirsk, Russia);
Prus F. – Dr of Pedagogy, Professor (Greifswalde, Germany);
Stelmach S. A. – PhD in Psychology (Ust-Kamenogorsk, Kazakhstan);
Panshina T. V. – PhD in Pedagogical Sciences, Associate Professor (Ust-Kamenogorsk, Kazakhstan)

The founders of the journal:

Federal state budgetary educational institution of higher education Novosibirsk State Pedagogical University

© Novosibirsk State Pedagogical University, 2019
All rights reserved

The journal is registered by Federal service on supervision in sphere of communication, information technologies and mass communications PI № FS77-75683 from April, 26th, 2019

The journal is placed in the Scientific electronic library and is included in the Russian Scientific Citation Index

CONTENTS

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL ASPECTS OF PSYCHOLOGY AND OTHER HUMAN SCIENCES

Buravtsova N. V. Elderly crisis as a determinant of autodestructive behavior.....	5
Ganpantsurova O. B., Pomagaeva A. N. Phantom pains as a psychological phenomenon	11
Ermolova E. O., Tyutyunikova N. V. The value of network communication and virtual internet space in human life and personality development.....	16

CURRENT EXPERIMENTAL STUDIES OF PSYCHOLOGY AND RELATED SCIENCES

Andronnikova O. O. Factor analysis of various parameters of mother's attitude to children of early age determining victimization.....	25
Mishchenko V. F., Mozolevskaya N. V., Sokolov Y. V. Study of coping strategies of volunteers of the palliative care.....	34
Perevozkin S. B., Perevozkina Yu. M. The specificity of the personal structure of students with high social intelligence	41
Yarysheva A. A., Kozhemyakina O. A. Properties of gender identity forming of teenagers, which are educating in deprivation conditions	53

PRACTICAL DEVELOPMENTS IN THE FIELD OF PSYCHOLOGY AND RELATED SCIENCES

Radzihovskaya O. E. Technologies of work with panic attacks	60
--	----

SCIENTIFIC DEBUT

Felker D. E. Relationship of accentuations of character and interpersonal relations in teenagers with speech disturbances	69
---	----

The journal is based in 2014 Leaves 4 yearly Electronic make-up operator I. T. Iliuk Editor E. A. Butina Editors address: 630126, Novosibirsk, Vilyuiskaya, 28, т. (383) 244-06-62	Printing digital. Offset paper Printer's sheets: 7,0. Publisher's sheets:6,8. Circulation 300 issues Order № 129. Format 70×108/16 Signed for printing 10.12.2019
--	---

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПСИХОЛОГИИ И ДРУГИХ НАУК О ЧЕЛОВЕКЕ

УДК 159.9.07

Буравцова Наталия Владимировна

*кандидат психологических наук, доцент кафедры практической и специальной психологии, Новосибирский государственный педагогический университет;
доцент кафедры психологии, педагогики и правоведения,
Новосибирский государственный университет экономики и управления,
Новосибирск, Россия, burawzov@sibmail.ru*

ВОЗРАСТНОЙ КРИЗИС СТАРОСТИ КАК ДЕТЕРМИНАНТА АУТОДЕСТРУКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Аннотация. Статья посвящена проблемам проявления аутодеструктивного поведения в пожилом и старческом возрасте. Обозначены основные симптомы возрастного кризиса старости и его специфические особенности. Показаны различные проявления возрастнo-ситуационной депрессии и типы приспособления к старости. Уделено внимание новообразованиям пожилого возраста, которые могут быть заложены в основу психотерапии аутодеструктивного поведения.

Ключевые слова: пожилой возраст, возрастной кризис, геронтология, возрастная депрессия, психотерапия.

Buravtsova Nataliya Vladimirovna

Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor of the Department of Practical and Special Psychology, Novosibirsk State Pedagogical University; Associate Professor of the Department of Psychology, Pedagogy and Law, Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk, Russia, burawzov@sibmail.ru

ELDERLY CRISIS AS A DETERMINANT OF AUTODESTRUCTIVE BEHAVIOR

Abstract. The article is devoted to the problems of manifestation of autodestructive behavior in the elderly and senile age. The main symptoms of the age crisis of old age and its specific features are described. The manifestations of age-situational depression and types of adaptation to old age are analyzed. Attention is paid to the neoplasms of the elderly, which can be the basis for the psychotherapy of autodestructive behavior.

Keywords: old age, age crisis, gerontology, age depression, psychotherapy.

Естественное старение населения представляет собой одну из современных глобальных проблем. Так, по статистическим данным, только за последние 10 лет численность населения РФ старше трудоспособного возраста выросла на 3 млн человек и, по прогнозам, к 2030–2035 гг. количество нетрудоспособного населения в России составит 18–19 % [9]. Поэтому изучению психологических аспектов старения, возможностей сохранения психического здоровья, формирования конструктивной жизненной позиции и профилактике аутодеструктивных проявлений, свойственных пожилому возрасту, уделяется существенное внимание в клинической психологии и геронтопсихологии.

На сегодняшний день специалисты пользуются классификацией, выделяющей хронологические периоды в позднем онтогенезе человека: пожилой возраст (60–74 года), старческий возраст (75 лет и старше). К отдельной категории были отнесены так называемые долгожители (90 лет и старше) [1].

В теории Э. Эриксона старости уделяется особое внимание как одной из стадий психосоциального развития. По мнению автора, здоровое саморазвитие достигает целостности, подразумевающей самопонимание и самопринятие на самом глубинном уровне. Обладание жизненной мудростью в совокупности с непосредственным доверием к миру он определяет термином *integrity* – интегративность, неделимость, целостность [10]. По мнению Э. Эриксона, трудно передать в этом слове сущность столь сложного душевного состояния, поэтому он описал его элементы:

- стойкая ориентация эго на поддержание порядка и смысла;
- постнарциссическая приверженность человеческого эго;
- переживание аутентичного опыта, транслирующего конкретные значения и элементы жизненного миропорядка, автономно от той цены, которую личности довелось за это заплатить;
- интериоризация персонального жизненного цикла;
- положительное отношение к индивидуальному стилю жизни без привязки к тому, каким он был и каковы его итоги [10].

Обладатель личностной интегративности, понимая относительность жизненных линий, придающих осмысленность человеческим усилиям и стремлениям, намерен отстаивать достоинство своего жизненного пути. Интегративность, поддерживаемая традициями и культурой, становится «духовным наследием отцов», отпечатком генезиса. Перед лицом интегративности такой глубины смерть утрачивает значимость и силу; человек обретает особую жизненную мудрость [12].

По мнению Е. Е. Сапоговой, жизненная мудрость представляет собой такое автономное (но при этом активное) отношение человека к собственной жизни (пусть и ограниченной определенным временным периодом существования), при котором возможно проявление зрелости ума, глубины внимания, продуманности и взвешенности суждений и глобальности миропонимания [7].

Завершение жизненного цикла поднимает вопросы, значимые для любой культуры или религии, поэтому любая цивилизация, по Э. Эриксону, может быть охарактеризована по тому, какое значение в ней придается полноценному жизненному циклу личности. Какими бы ни были ответы отдельных личностей на эти вопросы, к жизненному завершению человек неминуемо оказывается лицом к лицу с кризисом идентичности, формулу которого можно выразить фразой «я есть то, что меня переживает» [11]. Недостаточность, несформированность или потеря интегративности найдет свое проявление в страхе смерти – в отчаянии от осознания того, что не осталось времени пройти другой жизненный путь и попытаться обрести целостность.

О. В. Краснова отмечает, что лицам пожилого и старческого возраста присущ ряд специфических особенностей возрастного кризиса, усиливающих его протекание:

- проявление эгоцентризма, нетерпимости к любому, кто не проявляет к ним особенного внимания (все, кто не поглощен заботой о них, воспринимаются как эгоисты);
- интеллектуальные изменения: новые знания обретаются с трудом; проявляется ретроактивность памяти (происходящее сейчас запоминается с трудом, но отлично помнятся факты и действия давних лет).

- эмоциональные изменения: проявления беспричинного уныния, тоски и слезливости, активное возбуждение как ответ на самые малые раздражители;
- изменения в морально-нравственной сфере: неприятие новых поведенческих норм, привычек, образа жизни и т. п.;
- стандарты восприятия старости как поры угасания, хронических заболеваний и бедности, недоступности жизненных радостей и одиночества;
- мотивация избегания взамен мотивации успешности: человек старается игнорировать приписываемые старости проблемы, вместо того чтобы находить новые источники для позитивных эмоций;
- смысловое обесценивание важной деятельности, отказ признавать тот факт, что непрерывность развития генерирует новые смыслы, открытия и новые содержания любой деятельности;
- трансформация профессиональной активности, ставящая человека перед необходимостью поиска новых смыслов и целей предстоящего периода жизни;
- неуверенность в себе и будущем дне, которая способствует проявлению мелочности, скупости (иногда переходящей в жадность), педантичности, малоинициативности;
- тотальные перемены в восприятии временной перспективы – существенно изменяется психологическое время; большее значение придается воспоминаниям о прошлом и сегодняшним переживаниям, а «нити» в обозримое будущее все утончаются [3].

И. Г. Малкина-Пых приводит существенные симптомы кризиса старости:

- характерное расстройство настроения – возрастно-ситуационная депрессия;
- сверхзначимое отношение к лекарственным препаратам и способам лечения в совокупности с ипохондрической сконцентрированностью на болезненных ощущениях;
- обидчивость и тревожная мнительность;
- растущая конфликтность в межличностных отношениях, с одной стороны, и стремление к большей привязанности как следствие влияния страха одиночества – с другой;
- иррациональные страхи (страх причинения вреда, преследования или нападения);
- морально-нравственные переживания (необходимость отчитаться о смысле прожитой жизни);
- постепенная десекуализация, стирание гендерных различий во внешнем виде, одежде и поведении;
- страх смерти, выступающий как центральный симптом кризиса [4].

Важнейшая задача рассматриваемого возрастного периода, писал Э. Эриксон, – принять ценность прожитой жизни. Человеку необходимо обратиться назад и проанализировать жизненные достижения и неудачи; постараться принять собственную жизнь, отказавшись от порицания жизни других; ощутить нераздельность с индивидами – представителями разных культур и эпох. Лишь тогда формой принятия человеком конечности собственной жизни выступит мудрость со всем диапазоном ее цветов и оттенков [11].

В это время человеку принципиально, с одной стороны, осмыслить необходимость завершить то, что может и должно быть закончено, а с другой – осмыслить пределы реального и принять как собственное несовершенство, так и несовершенство

ство имеющегося миропорядка. Если этого не произойдет, то вместо мудрости человека наполнит чувство отчаяния, сопровождающее беспокойство и вину, связанные с различными жизненными промахами, ошибками и нереализованными возможностями. Недостижение интегративности может проявляться в боязни смерти, переживании безысходности или «маскироваться» под самонеприятие, недовольство социумом, правительством или какими-то конкретными людьми.

Самоопределение и ощущение своего места в системе «жизнь – смерть» является самой актуальной задачей личностного развития на протяжении всего этого периода. Как пишет И. Б. Новик, старость – связующее звено, переходная ступень между жизнью и смертью, время напряженной внутренней работы, направленной на осознание неотвратимости ухода из жизни [5].

Для периода поздней зрелости характерны специфические защитные механизмы, проявляющиеся в эмоциональной сфере:

- уменьшение эмоциональности лишает новые впечатления яркости;
- эмоциональное отстранение, внешне проявляемое как безразличие;
- старческая озабоченность как своего рода защитный механизм, позволяющий избежать сильных эмоциональных всплесков в действительно критических ситуациях [3].

Кроме активации указанных механизмов защиты, характерным для этого возраста является равномерное и стойкое понижение настроения – так называемое возрастно-ситуационное депрессивное расстройство. Т. Н. Сахарова описывает несколько вариантов ее проявления [8].

1. *Ипохондрическая фиксация.* Пожилой человек неизменно прислушивается к любым болезненным проявлениям, активно обсуждает их с другими людьми. В качестве сверхценной идеи могут выступать лечение, медицинские процедуры и препараты. В определенном смысле фиксация на лечении также представляет собой механизм защиты: концентрация внимания на болезни и ее лечении дает возможность игнорировать старение как таковое. Часто, описывая свое физическое состояние, человек старается любым способом подчеркнуть отличие своих симптомов от старческих проявлений: ведь болезнь может быть вылечена, а старость не лечится.

2. *Идеи о несправедливости и притеснении.* В этом случае акцент пожилого человека перемещается на его окружение, которое воспринимается как несправедливо притесняющее. Всепоглощающим оказывается переживание обиды – от него все стремятся избавиться. Любые доказательства о необоснованности каких-либо притеснений отрицаются из-за понижающейся критичности.

3. *Склонность к вымыслам.* У пожилого человека наблюдается склонность приукрашивать эпизоды своей биографии, преувеличивать свое участие и значимость в них; иногда это доходит до чистого вымысла (обязательно иллюстрирующего особую значимость рассказчика).

4. *Чувство ненужности и брошенности.* У переживания ненужности и брошенности выделяются несколько причин: во-первых, человек переживает собственную ненужность и проецирует это на окружающих и, во-вторых, реальное уменьшение его потенциалов быть кому-то нужным и полезным (из-за уменьшения физических сил, материальных ресурсов и т. п.) начинает восприниматься как угроза собственной целостности. Часто переживание своей ненужности сопровождается чувством незащищенности. Следует отметить, что подобное восприятие может не соответствовать подлинной ситуации.

В то же время нельзя упускать из виду тот факт, что, хотя старение – процесс закономерный и нормативный, оно содержит значительный спектр субъективных различий. На данной стадии онтогенеза отношение между календарным и биологическим возрастами может проявляться существенней, чем в детстве и юности. Индивидуально-типологические особенности человека обуславливают существование различных разновидностей старения.

Устойчивые типы (установки) приспособливания пожилых людей к старости обозначает Д. Б. Бромлей (см.: [2]).

1. *Установка зависимости.* Характерна для лиц, проявляющих пассивность, бездействие и стремление формировать свою зависимость от других. Такие пожилые люди, не обладая возвышенными витальными устремлениями, с легкостью отказываются от своих профессиональных дел, обеспечивают себе чувство защищенности за счет близкого окружения, поэтому такому пожилому человеку не свойственно переживание эмоциональной неуравновешенности.

2. *Защитная установка.* Подобная установка характерна для человека самодостаточного, целеустремленного, увлеченного какой-либо значимой деятельностью (общественной или профессиональной). Человек с такой установкой охотно разделяет принятые в обществе взгляды, избегая обсуждать собственные проблемы, точки зрения и переживания. Таким образом, страх смерти маскируется усилением внешней социальной активности.

3. *Установка враждебности.* Присуща тем, кого часто называют «гневливыми стариками». Такой человек с готовностью предъявляет широкий спектр претензий как своим близким, так и обществу в целом; реалистичность восприятия мира и своего места в нем утрачивается; ее место занимает зависть к возможностям молодости, мучительное ожидание и бунтарское отношение смерти.

4. *Установка аутовраждебности.* Свойственна лицам с деструктивным жизненным восприятием, избегающим упоминаний о бывших жизненных трудностях и фиаско. Такие пожилые люди пассивно и бездейственно воспринимают приход старости, погружаются в состояние острой жалости к себе вследствие неудовлетворенной потребности в любви и привязанности. Смерть воспринимается как избавление от всех жизненных мучений и страданий.

5. *Конструктивная установка.* Человек, обладающий такой установкой, к себе относится разумно критично, свои жизненные достижения принимает такими, какие они есть, испытывает удовлетворение от эмоциональных контактов с близкими и друзьями, обладает чувством юмора и самоиронией, психологической устойчивостью и самостоятельностью; в случае необходимости способен обратиться за психологической поддержкой. Старость и смерть воспринимается им как естественные жизненные явления, не вызывающие сожаления или отчаяния.

Следовательно, при условии конструктивного разрешения кризиса старости у пожилых людей трансформируются жизненные установки, самоотношение и мировосприятие. Старость перестает восприниматься как время покоя и нарастающего бессилия, а формируется установка, что период старости – это период значимой внутриличностной работы и движения к самопониманию, самопринятию и интегративности.

Так, Е. Е. Сапогова, исследуя творчество М. М. Бахтина, указывает на его концепцию старости: это один из самых противоречивых жизненных периодов, когда «последние вопросы бытия» предстают перед человеком в полный рост, призывая

к соединению возможностей человека в принятии себя, собственного опыта и окружающего мира с телесной немощью и отсутствием потенциала реализовать все постигнутое и принимаемое им [6].

Кроме того, в противовес пессимизму существующих взглядов на старость следует обозначить наличие определенных новообразований, свойственных этому возрасту. Среди них можно отметить следующие:

- чувство свободной принадлежности к различным сообществам;
- ощущение личностного комфорта в межличностном взаимодействии;
- чувство своей аутентичности с другими, схожести с ними;
- вера в людей, в то, что каждый человек несет в себе что-то доброе, позитивное;
- ощущение «естественности» жизненных ошибок, которые рассматриваются как способ обретения жизненного опыта;
- удовольствие от собственного несовершенства; отказ от стремления быть «правильным» и «безгрешным»;
- ощущение себя частью культуры, традиций, всего человечества;
- ощущение того, что окружающий мир можно изменить в лучшую сторону.

Отмеченные новообразования являются базовой основой психотерапии кризиса старости, выступая важным психологическим ресурсом в профилактике возрастных личностных изменений и аутодеструктивных проявлений, способствующим поддержанию конструктивной и жизнестойкой личностной и жизненной позиции пожилого человека.

Список литературы

1. Крайг Г., Бокум Д. Психология развития. СПб.: Питер, 2003. 534 с.
2. Краснова О. В. Пожилые люди, умирание и механизмы переноса: Реферативный обзор // Психология старости и старения: хрестоматия / сост. О. В. Краснова, А. Г. Лидерс. М.: Академия, 2003. 416 с.
3. Краснова О. В. Социальная психология старости. М., 2002. 288 с.
4. Малкина-Пых И. Г. Возрастные кризисы взрослости. М.: Эксмо, 2005. 416 с.
5. Новик И. Б. Система «жизнь – смерть». М.: Изд-во Рос. откр. ун-та, 1992. 104 с.
6. Сапогова Е. Е. «Хронотоп Бахтина»: соблазн проникновения // Культурно-историческая психология. 2006. № 1. С. 94–98.
7. Сапогова Е. Е. Психология развития человека. М.: Аспект-пресс, 2001. 460 с.
8. Сахарова Т. Н. Личность на позднем этапе онтогенеза: возрастные задачи развития и кризис пожилого возраста // Современные наукоемкие технологии. 2008. № 8. С. 46.
9. Федеральная служба государственной статистики РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gks.ru> (дата обращения 14.07.2019).
10. Элкинд Д. Эрик Эриксон и восемь стадий человеческой жизни / пер с англ. М.: Когито-Центр, 1996.
11. Эриксон Э. Идентичность: Юность и кризис. М.: Флинта, 2006. 342 с.
12. Erikson E. H. The Life Cycle Completed. N. Y.: Norton, 1982. 316 p.

Ганпанцурова Ольга Борисовна

*старший преподаватель кафедры практической и специальной психологии
факультета психологии, Новосибирский государственный
педагогический университет, Новосибирск, Россия, Olga74@mail.ru*

Помагаева Анастасия Николаевна

*студент 1 курса факультета психологии, направление «Специальное
(дефектологическое) образование», Новосибирский государственный
педагогический университет, Новосибирск, Россия,
anastasiapomagaeva@gmail.com*

ФАНТОМНЫЕ БОЛИ КАК ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН

Аннотация. В статье изложены основные механизмы патогенеза формирования фантомных болевых ощущений. Рассмотрены современные подходы к диагностике, лечению и психотерапии. Описано болевое восприятие фантомной конечности в продолжительный период времени, когда пациент существует в конфликте между двумя реальностями: переживанием фантома и трагедии от отсутствия конечности. Актуальность обозначенной проблематики обусловлена отсутствием единой систематизации всех составляющих фантомных явлений, полноценных описаний корреляций между фантомом и раной-рубцом культи, связи между медицинским и психологическим заключением о характере повреждения, приведшего к ампутации. Продолжение изучения фантомно-болевого синдрома позволит углубить знания об этом феномене, поможет отыскать актуальные пути лечения и психопрофилактики заболевания, а также разработать новые методы в психотерапевтической работе с болевыми ощущениями данной природы.

Ключевые слова: ампутация, фантомно-болевой синдром, патогенез, лечение.

Ganpanturova Olga Borisovna

*Senior lecturer of the department of practical and special psychology
of the faculty of psychology, Novosibirsk State Pedagogical University,
Novosibirsk, Russia, Olga74@mail.ru*

Pomagaeva Anastasia Nikolaevna

*1 year student of the faculty of psychology, special (defect) education, Novosibirsk State
Pedagogical University, Novosibirsk, Russia, anastasiapomagaeva@gmail.com*

PHANTOM PAINS AS A PSYCHOLOGICAL PHENOMENON

Abstract. The article outlines the main mechanisms of the pathogenesis of the formation of phantom pain sensations. Considered modern approaches to diagnosis, treatment and psychotherapy. The painful perception of the phantom limb is described in a long period of time when the patient exists in a conflict between two realities - the experience of the phantom and the tragedy from the absence of a limb. The relevance of this issue is due to the lack of a unified systematization of all components of phantom phenomena, full descriptions of correlations between a phantom and a stump wound, the relationship between medical and psychological conclusions about the nature of the damage that led to amputation. Continuing the study of phantom-pain syndrome will allow to deepen knowledge about this phenomenon, help find the current ways of treatment and psycho-prophylaxis of this

disease, as well as develop new methods in psychotherapeutic work with pain sensations of a given nature.

Keywords: pain amputation, phantom pain syndrome, pathogenesis, treatment.

Синдром фантома – болезненный в физиологическом и достаточно сложный в психологическом направлениях синдром, связанный с ощущением после ампутации органа-конечности. Эмоционально осложнен и трагичен тот факт, что человек не только тяжело изувечен, но и часто страдает от фантома – мучительного, длительно существующего и негативно влияющего на психологическое здоровье. Болевое восприятие усугубляется тем, что такой человек психически вполне здоров, а психологически неблагополучен. Причина в том, что он не понимает свои физические ощущения. Ему приходится продолжительный период существовать в конфликте между двумя реальностями: переживанием фантома и трагедии от отсутствия конечности [1].

В большинстве описанных в медицине и психотерапии случаев ощущение боли сохраняется в течение первого года или двух лет после потери конечности. Фантомные проявления у людей, утративших конечность, бывают разной степени выраженности болевых ощущений: от легких болей до нестерпимых. Боли бывают периодические, но могут беспокоить постоянно, имеются случаи, когда люди не сталкиваются с этой проблемой после ампутации конечности. Индивидуальный характер носят болевые ощущения в каждом случае: ноющие, тянущие, колющие, режущие, пульсирующие, либо боль ощущается как та, что присутствовала в конечности до момента ампутации. Зоны болевых ощущений иногда распространяются на здоровые ткани и участки тела как на стороне ампутированной конечности, так и на противоположной стороне тела. Это приводит к тому, что даже при легком прикосновении к какой-либо части тела возможно появление приступа фантомной боли. В некоторых случаях помимо фантомных болей ощущается сохранность ампутированной конечности, так может казаться, что фантомная конечность проявляет двигательную активность.

Актуальность изучения проблемы, связанной с фантомно-болевым синдромом, тесно переплетается с трагедиями современной реальности. А реальность демонстрирует современному человеку рост количества пострадавших в боевых конфликтах, участвовавшие стихийные бедствия на планете, не менее редко происходящие промышленные катастрофы, авто-, авиа- и железнодорожные трагедии.

Очень многие исследователи проявляют интерес к теме, связанной с фантомом. Об этом свидетельствует постоянно растущее количество научных работ на эту тему. Но все же не следует считать интересующую нас тему до конца изученной, о чем свидетельствует отсутствие систематизации всех составляющих фантомных явлений, полноценных описаний между фантомом и раной-рубцом культи, связи между медицинским и психологическим заключением о характере повреждения, приведшего к ампутации, а также отсутствие полной информации об углубленном изучении фантомных явлений, данных статистики, связанных с отношением больного к фантому и его общем соматическим состоянием.

Как правило, фантом не похож на ощущение полноценной конечности (ощущение конечности до ее ампутации) [10]. После ампутации пациенты описывают характер ощущений дергающей давящей боли, а также ощущение стягивания или сдавливания, редко встречается боль жгучего характера. По продолжительности болевой синдром подразделяется на постоянный или временный. Чаще после ампутации больные описывают боль смешанного характера [2].

Из полученных от пациентов описаний следует вывод, что фантом тесно связан с переживанием отрицательных эмоций и реального чувства потери. Все отделы нервной системы (периферический, спинальный и центральный) вовлечены в фантомно-болевым синдромом [1; 5; 7; 8].

Дефицит полноценной информации от недостающей части тела человека и непрерывное поступление импульсов из нервных стволов культи в зону соматосенсорного представительства образуют механизм фантомной боли. Сенсорная информация с периферии поступает в сенсомоторные корковые поля, вестибулярный, зрительный и другие корковые анализаторы. Затем формируется «схема тела» – специфического церебрального аппарата. Поэтому сознание больного воспринимает свое тело в обобщенном образе. Некоторые фантомные явления поддерживаются присутствием лабильных гипноидных фаз в системе «схемы тела» там, где находилась ампутированная конечность. Следовательно, фантомную боль следует считать типом сенсомоторной памяти [6].

Возможно, причина возникновения фантомных конечностей находится в анатомии мозга. Таким вопросом озадачился вместе с коллегами индийский профессор-невролог В. С. Рамачандран [9]. Итак, что происходит в головном мозге после ампутации руки? Конечности теперь нет, но мозг все еще сохранил карту руки. Карта как бы воссоздает ампутированную руку, но больше не получает реальных входящих осязательных сигналов. Входящий сенсорный сигнал, который следует от кожи лица до мозговой карты, подает активные импульсы на свободную территорию, отвечающую за отсутствующую конечность. Нервные волокна, идущие от кожи лица, имеют множество новых нервных ответвлений. Эти отростки «переплетаются» на карте ампутированной конечности и создают новые здоровые синапсы. Происходит изменение карты, после чего часть коры головного мозга, которая соответствовала лицу, станет ответственной и за отсутствующую руку. Таким образом, если производить тактильную стимуляцию лица, последуют тактильные ощущения и в фантомной конечности. Эта теория получила название теории отращивания новых нервных ответвлений.

После продолжительного изучения этой темы В. С. Рамачандран предложил зеркальную терапию или метод зеркальной зрительной обратной связи [9], который считается эффективным и способен оказать помощь в избавлении от фантомной боли. Его можно использовать как отдельно, так и вместе с другими методами. В основу метода зеркальной зрительной обратной связи положены основные принципы физиологии и анатомии мозга. После потери конечности мозг сохранил карту. Кора головного мозга продолжает посылать двигательные сигналы к несуществующей конечности. Теменная доля мозга сигнализирует о том, что чувствительного и мышечного отклика не наблюдается. Со временем в структурах головного мозга формируется болевой очаг или «генератор боли».

Если пациент расположит здоровую правую руку перед зеркалом, а левую, которая причиняет человеку фантомную боль, – позади зеркала, то он увидит свое отражение правой руки в зеркале. У пациента возникает иллюзия полного присутствия фантомной руки. При движении здоровой руки будет создаваться впечатление движения фантомной конечности.

Еще одним действующим методом специальной психотерапии, который активно используют как для профилактики, так и с целью лечения, следует считать аутогенную тренировку. Во время занятий необходимо акцентировать внимание больного на самой культе, например: «Моя культя постепенно становится тяжелой...» Для

подобных занятий основное внимание следует уделить тщательному подбору группы, а также предупредить всех пациентов о сложностях при использовании этого метода, потому что существуют больные, которые не почувствуют сразу эффекта от занятий и могут прекратить занятия без возвращения к ним.

Основное место в комплексном лечении фантомно-болевого синдрома (ФБС) необходимо уделить психотерапии, поскольку это наиболее доступный, безболезненный и чаще всего полностью освобождающий от ФБС метод. Изнуряющие фантомные боли и тяжелые ощущения даже без болевого фантома, утрата возможности полноценно трудиться, а также сопутствующие этому положению переживания влияют на понижение тонуса коры головного мозга. За этим следует повышенная внушаемость [1]. В подобных случаях с помощью психотерапии во многих случаях удастся снизить или даже полностью избавить пациента от фантомной боли. Вследствие чего нормализуется сон, снимаются различные нарушения нервной системы (раздражительность, утомляемость и др.). Положительный терапевтический эффект напрямую связан со сроком начала терапии: чем быстрее начнется лечение с момента ампутации, тем легче больному избавиться от фантомной боли.

По последним статистическим данным, в мире насчитывается около 10 млн людей, лишенных конечностей. Почти 80 % из них страдают фантомно-болевым симптомом. У многих, кто проходил психотерапевтическое лечение, наблюдалось снижение боли. Психологическое сопровождение таких пациентов должно продолжаться минимум в течение одного года после ампутации. Если пациент научается психологическим методам и формирует новые поведенческие стереотипы (без конечности) ранее, то процесс психотерапии или психокоррекции становится возможным прекратить. Психотерапевтическая работа с каждым пациентом должна строиться строго индивидуально, с преобладанием методов и техник когнитивно-бихевиорального подхода, а также нейролингвистического программирования. Но интегративное психологическое сопровождение (с учетом индивидуальных особенностей пациента и его психологического статуса) заключается в применении методов, техник и принципов различных подходов психологического консультирования и психотерапии, в частности в индивидуальной и в групповой формах работы. Но есть пациенты, чьи болевые ощущения в разной степени сохраняются до конца жизни, несмотря на эффективное медицинское и психологическое сопровождение [3; 4].

Из вышеизложенного следует, что для фантомно-болевого синдрома необходима комплексная терапия, в которой прослеживается тесное взаимодействие таких врачей, как невролог, хирург, психолог. Для каждого больного должен быть подобран индивидуальный и комплексный подход, который поможет получить хороший терапевтический эффект. Продолжение изучения фантомно-болевого синдрома позволит углубить знания об этом феномене и о психопрофилактике данного заболевания, а также разработать новые методы психотерапевтической работы с болевыми ощущениями данной природы.

Список литературы

1. *Архангельский А. Е.* Фантомно-болевой синдром. Лекция для слушателей факультета подготовки врачей. СПб.: ВМедА, 2006. С. 1–16.
2. *Овсянников В. Г.* Очерки патофизиологии боли: учеб. пособие для студентов и врачей. Ростов на/Д: Изд-во РГМУ, 2003. 148 с.

3. *Сэм Кин. Дуэль нейрохирургов. Как открывали тайны мозга и почему смерть одного короля смогла перевернуть науку.* М.: ЭКСМО, 2015. Часть III. Тело и мозг. Глава 5. Фантомы. С. 141–167.

4. *Чегуров О. К.* Фантомно-болевой синдром: патогенез, лечение, профилактика (обзор литературы) // *Гений ортопедии.* 2014. № 1. С. 89–93.

5. *Fieldsen D., Wold S.* Dealing with phantom limb pain after amputation // *Nurs. Times.* 2011. Vol. 107, № 1. P. 21–23.

6. *Flor H., Birbaumer N.* Phantom-limb pain: cortical plasticity and novel therapeutic approaches // *Curr. Opin. Anaesthesiol.* 2000. Vol. 13, № 5. P. 561–564.

7. *Flor H.* Phantom-limb pain: characteristics, causes, and treatment // *Lancet Neurol.* 2002. Vol. 25, № 4. P. 272–274.

8. *Khotkova H.* Current and future options for the management of phantom-limb pain // *J. Pain Res.* 2012. Vol. 5. P. 39–49.

9. *Ramachandran V. S., Rogers-Ramachandran D., Cobb S.* Touching the phantom limb // *Nature.* 1995. Vol. 377. P. 489–490.

10. *Rasulic L., Ivanovic S., Bascarevic V., Simic V.* Phantom pain and posttraumatic pain conditions // *Acta Chir. Jugosl.* 2004. Vol. 51, № 4. P. 71–80.

Ермолова Екатерина Олеговна

*кандидат психологических наук, доцент, профессор кафедры общей психологии
и истории психологии, Новосибирский государственный
педагогический университет, Новосибирск, Россия, shamka05@mail.ru*

Тютюникова Наталья Викторовна

*бакалавр психологии, медиа-менеджер, Агентство маркетинговых коммуникаций
«Pro-Vision Communications», Москва, Россия, 2452525@mail.ru*

ЗНАЧЕНИЕ СЕТЕВОЙ КОММУНИКАЦИИ И ВИРТУАЛЬНОГО ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВА В ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕКА И РАЗВИТИИ ЛИЧНОСТИ

Аннотация. В статье рассматривается проблема влияния интернет-пространства на жизнь человека и развитие личности. Анализируются роль и функции сетевой коммуникации в современном мире. Представлен обзор основных идей В. М. Малкина, изучающего роль человека в интернет-пространстве; А. Ч. Соян, М.-К. С. Санчай, Г. И. Марковой, анализирующих проблемы общения в современном мире; Р. А. Абдуллаевой, изучающей анализ влияния социальных сетей на жизнь современного общества; Т. С. Садыговой, анализирующей социально-психологические функции социальных сетей; О. М. Шахматовой, Е. Ю. Болтага, рассматривающих психологические аспекты общения в социальных сетях виртуальной реальности и др. Акцентируется двойственная роль сетевого общения в жизни человека.

Ключевые слова: социальные сети, Интернет, сетевая коммуникация, виртуальная жизнь, влияние социальных сетей.

Ermolova Ekaterina Olegovna

*Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Professor of the Department
of General psychology and history of psychology, Novosibirsk State Pedagogical
University, Novosibirsk, Russia, shamka05@mail.ru*

Tyutyunikova Natalya Viktorovna

*bachelor of psychology, media Manager, Marketing communications Agency
«Pro-Vision Communications», Moscow, Russia, 2452525@mail.ru*

THE VALUE OF NETWORK COMMUNICATION AND VIRTUAL INTERNET SPACE IN HUMAN LIFE AND PERSONALITY DEVELOPMENT

Abstract. The article deals with the problem of influence of Internet space on human life and personal development. The role and functions of network communication in the modern world are analyzed. The review of the main ideas of the following authors is presented: V. M. Malkin, studying the role of man in the Internet space; A. C. Soyana, M.-K. Sanchay, G. I. Markova, analyzing the problems of communication in the modern world; R. A. Abdullayeva, studying the analysis of the influence of social networks on the life of modern society; T. S. Sadygova, analyzing the socio-psychological functions of social networks; O. M. Ahmatovoj, E. Y. Baltagi considering psychological aspects of communication in social networks, virtual reality, etc. The dual role of network communication in human life is emphasized.

Keywords: social networks, Internet, network communication, virtual life, influence of social networks.

Стремительность внедрения интернет-технологий в повседневную жизнь человека ведет к серьезным изменениям содержания его существования. Киберпространство представляет собой многомерную совокупность пересекающихся друг с другом виртуальных социальных сообществ [16]. При этом культура взаимодействия с этими технологиями, особенности их влияния на жизнь человека не только не являются достаточно изученными, но и сами находятся в процессе становления по причине чрезмерно бурного развития, поэтому их изучение выступает динамическим процессом и должно отвечать современному состоянию их развития. С каждым годом они открывают новые возможности, опции, функции для жизни человека в виртуальном пространстве. В. М. Малкин отмечает, что с начала вхождения субъекта в интернет-пространство роль человека в нем претерпевает существенные трансформации. Если вначале человек был только потребителем информации, предоставляемой этим пространством, то впоследствии он стал ее активным производителем [10].

В связи с тем что скорости интернет-передачи сильно возрастают, передача информации внутри виртуального пространства распространяется мгновенно. Если еще 15–20 лет назад требовалось значительное количество часов и дней для того, чтобы донести информацию до широкой аудитории, например, о происшествии, то сейчас каждый человек имеет возможность узнать о чрезвычайных или интересующих его мероприятиях в считанные секунды. Таким образом, повседневная жизнь человека приобретает высокие скорости: прежде и очевиднее всего, это коммуникативная деятельность благодаря высокоскоростным средствам связи, а также эмоциональная, когнитивная сферы жизни.

Развитие виртуального интернет-пространства делает человеческую жизнь гораздо более открытой благодаря возможностям публичной самопрезентации и самовыражению в социальных сетях. Также нельзя не отметить то обстоятельство, что во многом жизнь стала проще, легче, быстрее, так как появилась возможность получить большое количество услуг, не выходя из дома. Кроме того, интернет-пространство активно развивается в сфере бизнеса, рекламы, продаж, которые удачно встроились в него и с большим успехом находят способы завоевания своей аудитории.

Сетевая коммуникация представляет собой форму межличностной коммуникации, осуществляемой в глобальной информационной сети, имеющей отличительные особенности [12]. Сетевая коммуникация выступает частью виртуальной коммуникации, которая конкретизируется в следующих аспектах: общение посредством компьютерной сети; общение посредством Интернета (социальных сетей); обмен информацией в условиях отсутствия пространственно-временных ограничений; коммуникация на основе информационных ресурсов [9]. А. В. Кожеко среди психологических особенностей сетевой коммуникации выделяет отсутствие физической представленности субъектов сетевой коммуникации, анонимность, иллюзию неограниченной свободы действий, тенденции к неформальности взаимодействия, низкую регламентированность поведения, добровольность контактов [8].

Виртуальное интернет-пространство – это особенная коммуникативная среда, служащая для удовлетворения потребностей и интересов субъектов, взаимодействующих в ее пределах. Она подчиняется особым законам функционирования, особенностям существования, так как в ней происходит активное конструирование социальной реальности со своими ценностями, правилами и нормами [3].

Сетевая коммуникация – это качественно иная сфера человеческого взаимодействия, нежели реальное межличностное взаимодействие между субъектами. Понятие «коммуникация» включено в понятие «общение» как более узкая категория, поскольку коммуникация как обмен информацией входит в общение в качестве одной из многих других его составляющих. Процесс коммуникативного взаимодействия имеет место там, где наличествуют такие элементы, как общие цели участников; общая мотивация; взаимосвязь, устанавливающаяся между участниками; степень координации действий; управление действиями; наличие результата; единственное пространственно-временное функционирование участников общения [14]. Преломляясь в сфере интернет-пространства, коммуникация становится сетевой, что приводит к отсутствию возможности невербального взаимодействия, эмоционального воздействия друг на друга, определения общих границ и временных рамок, культурного и образовательного фона, личностных особенностей собеседника (поскольку в интернет-пространстве личность может радикальным образом искажаться, подчас вполне намеренно, создавая так называемые фейковые образы), что ставит множество исследовательских вопросов перед психологами относительно психологических особенностей, функций и значений такого рода виртуального общения, становящегося сегодня нормой [15].

Привычные аспекты социальной жизни человека изменяются под воздействием сетевой коммуникации. Следует отметить, что подобные изменения в обществе происходили на протяжении существования человечества и закономерного развития технологического обеспечения человеческой жизни. Однако темп изменений, происходящих в настоящее время, ни с чем нельзя сравнить по стремительному охвату миллионной и даже миллиардной аудитории за единицу времени. Виртуальная среда сейчас – это в значительной и зачастую в определяющей степени повседневная реальность огромного количества людей. Сетевая жизнь – это реальность, которая переросла из эпифеномена развития технологии в самодостаточную среду, которая во многом вытесняет реальное взаимодействие между людьми. Коммуникация в сети позволяет людям объединяться в группы по критерию схожих интересов, при этом человек как субъект виртуального пространства коммуницирует с группой, которую рассматривает в качестве референтной для себя посредством персонализированного аккаунта в одной из социальных сетей [17].

С одной стороны, коммуникация в сети существенно облегчает жизнь людей, способствует поддержанию виртуального взаимодействия с большим количеством людей, позволяет расширять количество знакомств, помогает в поисках работы и т. д., то есть делает повседневную жизнь человека разнообразней, шире и гораздо проще. Вместе с тем реальная жизнь субъекта обедняется, утрачиваются навыки живого взаимодействия с людьми, развиваются интернет-аддикции, время, проведенное в интернет-пространстве, захватывает время из реальной жизни субъекта, что негативно сказывается на учебной, профессиональной деятельности, на близких, родственных и дружеских связях личности.

Коммуникация в сети – это опосредованное общение, которое ввиду своей специфики характеризуется поверхностностью устанавливаемых межличностных отношений. Отсутствие огромной группы невербальных средств общения, вынужденная ориентация исключительно на текстовые сообщения, отсроченные ответные реакции, невозможность определить значение и личностный контекст того или иного действия собеседника приводят к сложностям в установлении эмоциональной связи между субъектами взаимодействия. О. М. Шахмартова и Е. Ю. Болтага отмечают,

что в интернет-пространстве языковая личность значительно упрощается, что обусловлено скоростью происходящего общения, которая всегда требует упрощения, примитивизации языковых средств общения для как можно более быстрой передачи мысли [17].

Также немаловажным аспектом интернет-пространства выступают возможности, которые оно предоставляет для конструирования личности, своей идентичности и создания своего предпочтительного мира, куда человек устремляется в целях избежать пугающей или малопривлекательной действительности. По этой причине человек, возвращаясь в реальность, переживает неприятные чувства и снова стремится погрузиться в комфортную для себя киберсреду, в результате чего развиваются интернет-аддикции.

Л. П. Карельская, Н. Ю. Солодовникова обращают внимание на двойственную роль сетевого общения в жизни человека. Как уже было отмечено, социальные сети, соответствуя своему названию, способствуют легкому, практически лишенному препятствий и психологических барьеров установлению большого количества социальных контактов. Интернет-технологии развиваются в направлении обеспечения общения как можно более идентичного взаимодействию в реальной жизни. Так, помимо текстов существуют целые организации по созданию так называемых «смайликов» или «стикеров», которые помогают восполнять пробел сетевого общения – отсутствие эмоциональной экспрессии. Также развиваются способы установления видеосвязей, видеозвонков, голосовых сообщений и т. д. то есть развитие осуществляется в направлении включения в интернет-пространство дополнительных каналов связи. Однако невозможность установления глубокого контакта очень часто обесценивает многочисленные, но однодневные социальные связи с людьми, на что указывают многочисленные опросы, проводимые среди людей молодого возраста – активных участников сетевого общения [7]. Складывается ситуация, при которой общения и возможностей для его быстрого осуществления становится больше, но эмоциональное и социальное одиночество при этом оказывается сильно развито.

Необходимо подчеркнуть, что в настоящее время не существует однозначного мнения относительно роли и функции виртуального интернет-пространства в жизни человека. Пока не представляется возможным выделить определенное мнение по вопросам значения сетевого общения и виртуальной среды. Существуют мнения о пользе, возможностях и преимуществах, которые предоставляет виртуальная среда, также есть те, кто скептически высказывается относительно нее. С уверенностью отметим, что у каждого явления интернет-пространства можно выделить положительную и отрицательную стороны. Например, тот факт, что многочисленные пользователи социальных сетей документируют свою жизнь путем трансляции ее моментов в открытых и общедоступных сайтах, может свидетельствовать о следующем: интернет-пространство выступает хорошей средой для самовыражения. Однако также можно сказать, что для нарциссических личностей такое поведение будет означать проявление обостренного симптома нарциссизма и, вероятнее всего, усугубление его функционирования в системе такой личности. Кроме того, возможность удалять нелицеприятные отзывы, оставляя лишь хвалебные восхищения в комментариях, может усиливать неадекватные представления нарциссических личностей о самих себе.

Представляется, что в психологических исследованиях особенности формирования личностных и, в частности, нарциссических черт очень часто в последнее вре-

мя становятся предметом изучения [20]. Отчасти интерес обусловливается малым количеством как теоретических, так и эмпирических данных по причине новизны предмета исследования. Интерес к изучению изменения личностных особенностей субъекта вызван тем, что виртуальное интернет-пространство занимает огромную часть жизни человека, в которой он существует, живет, где происходит его развитие, поиск идентичности, где формируются его представления о себе самом так же, как это происходит в реальном пространстве. Большое количество времени, проводимое в пространстве виртуальной среды, совершаемые в ней действия неизбежно должны сказываться на личностном развитии субъекта [19]. Один из главных вопросов для психологов в настоящее время: каковы тенденции и направления этого влияния?

Р. А. Барышев полагает, что виртуальное пространство – это пространство для удовлетворения потребностей отчужденного человека. Отчуждение происходит в нескольких аспектах:

- отчуждение субъекта от общества, что приводит к проблеме формирования социальной зрелости, коммуникативных связей в обществе;
- отчуждение субъекта от себя, от своей подлинной личности за счет конструирования виртуальных, в подавляющем большинстве случаев идеализированных репрезентаций самого себя;
- отчуждение от культуры и традиционных социокультурных ценностей;
- отчуждение от морально-нравственных ценностей [2].

Виртуальное интернет пространство, как и сетевая коммуникация имеет как положительные, так и отрицательные общие характеристики, и значение в жизни человека. Наибольший исследовательский интерес у психологов вызывает выявление влияния огромного количества времени, проводимого в виртуальной среде социальных сетей на личностные особенности субъекта. Интерес этот во многом вызван тем обстоятельством, что технологии виртуального общения дают огромные возможности для конструирования и управления собственной идентичностью, самопрезентацией. Т. С. Садыгова выделяет в качестве одной из функций социальных сетей идентификационную, которая состоит в возможности формирования социального «Я», индивидуального «Я». Виртуальное пространство – это пространство установления соотношений между самопрезентацией в нем и реальной идентичностью, позволяющее экспериментировать с разыгрываемыми ролями и идентичностью, самоопределяться в этом процессе. В связи со значимостью этого вопроса представляется необходимым отдельно рассмотреть проблему влияния сетевого общения на личностные, индивидуально-психологические и социальные характеристики активных пользователей социальных сетей [13].

При постановке вопроса о характере влияния пользования социальными сетями на личность человека, необходимо отметить, что люди по-разному ими пользуются, что выступает важным фактором при определении положительного и отрицательного влияния на человека. Г. З. Ефимова и Е. В. Зюбан выделяют три типа пользователей социальных сетей:

- 1) активные, которые производят контент, выпускаемый на оценку публикой в интернет-пространстве;
- 2) пассивные, которые не создают собственный контент, но являются постоянными читателями поступающей информации о других пользователях;
- 3) трансляторы, активность которых сосредоточена на распространении информации в социальных сетях (текстов, музыкальных или видеозаписей) с помощью адресных сообщений или репостов на свою страницу в сети [6].

Авторы в ходе электронного анкетного опроса 690 респондентов выявили отрицательные влияния и эффекты, к которым приводит пользование социальными сетями: феноменальное большинство респондентов (93 %) отметило, что социальные сети отнимают слишком много времени, которое уходит впустую, свободное время можно было бы использовать более полезно и рационально, например, для саморазвития; невозможность понять высказывание собеседника в сети в условиях отсутствия непосредственного проявления эмоций и невербальных параметров взаимодействия; асоциальность как потеря интереса к реальной жизни; развитие зависимости от социальных сетей (пока малоизученное явление, выражающееся в потребности постоянно обновлять сообщения, ленту новостей, невозможности сосредоточиться на выполнении обязанностей); негативное влияние на физическое здоровье из-за отсутствия подвижного образа жизни; имперсонализация (склонность людей выдавать себя в социальных сетях за тех, кем они не являются); низкая информационная безопасность, подверженность кибермошенничеству в Интернете; утрата навыков реального общения; снижение производительности и эффективности выполнения профессиональной деятельности [6].

С одной стороны, социальные сети предоставляют обширные возможности для общения с самыми разными людьми, позволяют поддерживать связь с друзьями и знакомыми, знакомиться с новыми людьми, с которыми объединяет схожесть интересов. Однако вместе с тем они оказывают серьезное влияние на социальные, психологические особенности людей, что выражается в сложности социализации, резком снижении дружеских связей в реальной действительности, развитии зависимости от социальных сетей и Интернета, сильном нервно-психическом утомлении, снижении концентрации внимания, ухудшении зрения, что сказывается на эффективности выполняемой деятельности. Большим соблазном для пользователей социальных сетей выступает отсутствие непосредственной телесной представленности перед собеседником, отсутствие у него возможности проверить информацию, предоставляемую о себе субъектом, что приводит к искажению личного образа в свою пользу. Истинность образа пользователей социальных сетей находится под большим сомнением, так как процесс соответствия желаемому, идеализированному представлению о себе в интернет-пространстве проходит чаще всего бессознательно [1].

Ю. Н. Дмитриева, проведя факторный анализ самоутверждения людей молодого возраста в социальных сетях, пришла к выводу, что жители России используют социальные сети для реализации лидерских амбиций, а также удовлетворения эгоцентрических интересов. Автор полагает, что эгоцентрические тенденции, демонстрируемые молодыми людьми в социальных сетях, отражают общий социокультурный фон российского общества [4]. Такое утверждение представляется правомерным по причине указанной ранее индивидуализации современного российского общества, которое происходит в результате ориентировки на ценности западного мира.

Необходимо обратить внимание на особенность, выявляемую в ходе изучения проявления индивидуальных паттернов социальных связей в интернет-пространстве различными исследователями, в том числе зарубежными. Поведение людей в социальных сетях, как правило, соответствует их поведению в реальной жизни. В зарубежных исследованиях этот феномен рассматривается в рамках теории социального почерка, который объясняет значительное совпадение особенностей характеристик социального взаимодействия субъекта в жизни и виртуальной среде.

Следует также отметить влияние социальных сетей на социальные особенности жизни личности, поскольку они вносят значительные изменения в характер коммуникативного взаимодействия с людьми, переводя его из плоскости реальной жизни в интернет-пространство. Л. В. Марарица и С. М. Титов приводят обобщение результатов зарубежных исследований, в которых отмечают несколько сфер влияния активного участия в социальных сетях на социально-психологические особенности пользователей:

- дружеские связи в социальных сетях носят поверхностный характер, не включаясь в сферу эмоционально близкого общения;
- если у пользователя количество друзей превышает 300 человек, то у него наблюдается стремление к коллекционированию друзей. Для того чтобы увеличить общее количество друзей в профилях социальных сетей, люди готовы использовать любые способы;
- круг общения в реальной жизни и онлайн существенно различается, люди преимущественно подросткового возраста предпочитают общаться в сети с теми, кто принципиально отличается от их окружения для возможности безопасно обсуждать интересующие их вопросы;
- установление односторонних связей с авторитетными личностями в сети для повышения чувства собственной значимости;
- связь снижения социальной активности в реальной жизни с отказом от пользования социальными сетями [11].

Представляется, что влияние социальных сетей на личность опосредуется в значительной степени индивидуально-психологическими свойствами самого субъекта, поскольку Интернет – это пространство практически неограниченных возможностей, то каждый человек выбирает из них те, которые соответствуют его желаниям, интересам, целям, мотивам и потребностям. Если у субъекта слабо развиты ценностно-мировоззренческие основания его личности, неустойчива иерархия мотивов и личностных смыслов, позиций, то расширение индивидуального сознания посредством ознакомления с большим количеством разнообразных мнений убеждений, идеалов, которое предлагает интернет-пространство, может привести к внутриличностным противоречиям и конфликтам, также это может стать возможностью для легкого манипулирования таким человеком. Сформированность внутренней системы убеждений, ценностных оснований позволит субъекту контролировать и избирательно подходить к анализу огромного потока информации в виртуальной среде. Такой подход, а также высокий уровень развития критического мышления не приведут к часто упоминаемому негативному влиянию социальных сетей – неэффективной трате времени [5].

Поскольку одна из общепризнанных функций социальных сетей – это возможность самовыражения, а одна из особенностей их влияния – идеализация образа «Я», то интернет-пространство содержит множество возможностей для поддержания, а, возможно, развития нарциссических черт. Социальные сети позволяют создавать интернет-сетевую идентичность, управлять самопрезентацией в виртуальной среде согласно идеальным представлениям о самом себе [20].

Как было выявлено, нарциссические личности обладают неадекватными представлениями о своих способностях, качествах, грандиозными представлениями о своей значимости и одаренности. Также можно предположить, что феномен обезличивания взаимодействия в виртуальной среде, лишенный возможности эмоциональной экспрессии, согласуется с отсутствием способности эмпатии у нарциссиче-

ских личностей [18; 20]. Если установить связь между активностью пользованием социальных сетей и нарциссическими чертами личности, то можно продолжить исследования в русле выявления направления причинно-следственной связи между обозначенными психологическими переменными. Также можно отметить, что активное пользование социальными сетями означает не только выкладывание собственной личной информации, но и отслеживание контента других пользователей. Учитывая, что в социальных сетях люди предпочитают делиться идеализированными образами, то у субъекта с нарциссическими чертами постоянное наблюдение за успехами, достижениями других людей будет вызывать свойственную им зависть, обесценивание, принижение и, возможно, провоцировать негативные эмоции, а также стимулировать к еще большей соревновательной идеализации собственных способностей и успехов.

Однако следует отметить, что в настоящее время нет достоверных и исчерпывающих данных о характере влияния социальных сетей на личностные особенности пользователей. Существующие исследования в подавляющем большинстве основаны на анкетных опросах, при которых респондента предлагается самостоятельно оценить свое отношение к социальным сетям, что нельзя рассматривать в качестве надежных данных. Кроме того, нереалистические представления нарциссических личностей о себе не дают возможности использовать средства самооценивания в качестве надежных методов исследования.

Список литературы

1. Абдуллаева Р. А. Анализ влияния социальных сетей на жизнь современного общества // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2015. № 9-3. С. 542–546.
2. Барышев Р. А., Румянцев М. В. Киберпространство как зона отчуждения // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. 2008. № 1. С. 34–36.
3. Ганский П. Н. Интернет-пространство как особая коммуникационная среда и его влияние на современные общества // Теория и практика общественного развития. 2015. № 17. С. 118–121.
4. Дмитриева Ю. Н. Психологические детерминанты самоутверждения личности в социальных сетях // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2013. № 12 (128). С. 283–287.
5. Емельяненко В. Д. Интернет и духовный мир человека: ценностно-мировоззренческий подход // Вестник Мининского университета. 2017. № 4. С. 51–53.
6. Ефимова Г. З., Зюбан Е. В. Влияние социальных сетей на личность // Мир науки. 2016. Т. 4, № 5. С. 20.
7. Карельская Л. П., Солодовникова Н. Ю. Интернет: средство от одиночества? // Научный альманах. 2015. № 11-5 (13). С. 113–116.
8. Кожееко А. В. Особенности интернет-коммуникации // Человек и язык в коммуникативном пространстве. 2017. № 8. С. 31–37.
9. Курбатов В. И. Виртуальная коммуникация, виртуальное сетевое мышление и виртуальный язык // Гуманитарий юга России. 2013. № 4. С. 56–68.
10. Малкин В. М. Виртуальная личность как объект и как субъект сетевых коммуникаций // Ученые записки Крымского инженерно-педагогического университета. Серия: Педагогика. Психология. 2017. № 2. С. 112–117.
11. Марарица Л. В., Титов С. М. Социальный мир человека в эпоху виртуальных социальных сетей // Информационное общество. 2017. № 2. С. 30–36.

12. *Рубанов А. В.* Виртуальная сетевая коммуникация и социальный капитал // Организационная коммуникация: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (23–24 апр. 2014 г., Минск) / ред. О. В. Терещенко. Минск: Изд. центр БГУ, 2014. С. 117–120.
13. *Садыгова Т. С.* Социально-психологические функции социальных сетей // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Педагогика, психология. 2012. № 3 (10). С. 192–194.
14. *Слотина Т. В.* Психология общения. СПб.: Питер, 2012. 240 с.
15. *Соян А. Ч., Санчай М.-К. С., Маркова Г. И.* Проблема общения в современном мире // Новая наука: стратегии и векторы развития. 2016. № 1-1 (58). С. 172–174.
16. *Урри Дж.* Социология за пределами обществ. Виды мобильности для XXI столетия. Москва: Изд. дом ВШЭ, 2012. 336 с.
17. *Шахмартова О. М., Болтага Е. Ю.* Психологические аспекты общения в социальных сетях виртуальной реальности // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского. 2011. № 24. С. 1002–1008.
18. *Шеина Т. Е.* Влияние Интернета на современного человека // Теоретические и прикладные аспекты современной науки. 2015. № 9-5. С. 158–161.
19. *Шипицин А. И.* Феномен социальных сетей в современной культуре // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2011. № 3 (57). С. 36–40.
20. *Шамишкова Е. О., Шамишкова О. А.* Социальные сети как механизм нарциссизации общества // Человек в эпоху перемен. Вызовы настоящего, построение будущего: материалы IV Съезда психотерапевтов, психиатров, психологов и консультантов Сибирского федерального округа. Новосибирск, 2015. С. 245–251.

АКТУАЛЬНЫЕ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПСИХОЛОГИИ И СМЕЖНЫХ НАУК

УДК 159.9. + 316.6

Андронникова Ольга Олеговна

*кандидат психологических наук, доцент, декан факультета психологии,
профессор кафедры практической и специальной психологии факультета
психологии, Новосибирский государственный педагогический университет,
Новосибирск, Россия, andronnikova_69@mail.ru*

ФАКТОРНЫЙ АНАЛИЗ РАЗЛИЧНЫХ ПАРАМЕТРОВ МАТЕРИНСКОГО ОТНОШЕНИЯ К ДЕТЯМ РАННЕГО ВОЗРАСТА, ДЕТЕРМИНИРУЮЩЕГО ВИКТИМИЗАЦИЮ

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы материнского отношения к детям раннего возраста, определяющие формирование психических личностных структур и выступающие параметром формирования здоровой личности. Представлен обзор подходов к роли родительского отношения в формировании психического, физического и эмоционального здоровья ребенка. Материнское отношение рассмотрено как базовый механизм виктимизации личности при нарушении материнской привязанности. Привязанность рассматривается как первичная установка, переносимая ребенком в дальнейшем на все социальные отношения и определяющая уровень его когнитивного, психоэмоционального и психомоторного развития. Обозначена роль психической депривации в формировании первичной виктимной уязвимости ребенка. Представлен анализ исследования 128 женщин с детьми до четырех лет. Факторный анализ позволил выделить четыре основных типа материнского отношения к детям, ответственных за специфику возникновения виктимности. Определены факторные детерминанты возникновения и проявления разных типов родительского отношения.

Ключевые слова: материнская привязанность, материнское отношение, виктимизация, дети раннего возраста.

Andronnikova Olga Olegovna

Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, the Dean of the faculty of psychology, Professor of the Department of Practical and Special Psychology, Faculty of Psychology, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia, andronnikova_69@mail.ru

FACTOR ANALYSIS OF VARIOUS PARAMETERS OF MOTHER'S ATTITUDE TO CHILDREN OF EARLY AGE DETERMINING VICTIMIZATION

Abstract. The article discusses the issues of maternal attitude to young children, which determine the formation of mental personality structures and are the parameters for the formation of a healthy personality. A review of approaches to the role of parenting in the formation of the mental, physical and emotional health of a child is presented. Maternal attitude is considered as the basic mechanism of victimization of a person in violation of maternal attachment. Attachment is considered as the primary attitude, transferred by the child in the future to all social relations and determines the level of his cognitive,

psychoemotional and psychomotor development. The role of mental deprivation in the formation of the primary victim vulnerability of the child is indicated. An analysis of a study of 128 women with children under four years of age is presented. Factor analysis allowed us to identify four main types of maternal attitude towards children, responsible for the specifics of the occurrence of victimization. The factor determinants of the appearance and manifestation of different types of parental relationships are determined.

Keywords: maternal affection, maternal attitude, victimization, young children.

Актуальность. Значимость родительского отношения для психического развития ребенка раннего возраста является общепризнанным фактом. Несмотря на большое количество работ, посвященных данной теме, вопросы специфики материнского отношения, механизмов его формирования и влияния на развитие ребенка остаются актуальными и не до конца исследованными.

Развитие общественных отношений, геополитические отношения, влияние урбанизации, женской эмансипации и научно-технического прогресса привели к определенному сужению роли семейной педагогики в воспитании ребенка, детско-родительские отношения стали в значительной степени определяться социальной средой.

Как актуальные процессы современности можно наблюдать смещение гендерных и этнических ценностей, в том числе в аспекте роли матери в воспитании ребенка, ее отношение к семье вообще. В результате наблюдаемых геополитических, миросистемных, социально-экономических процессов приоритет роли «женщины-матери» перешел в пользу роли «преуспевающей женщины». На смену ценностям хранительницы домашнего очага и семьи пришли ценность успешной карьеры, образования, материального благополучия. Исходя из веяний времени изменились гендерные ожидания и наполнение соответствующих ролей, однако именно материнская забота, любовь и внимание остается основой формирования личности ребенка, его психологического благополучия и психологического «здоровья».

В настоящее время внимание многих психологов во всем мире привлечено к проблемам раннего детства. Этот интерес далеко не случаен, так как обнаруживается, что первые годы жизни являются периодом наиболее интенсивного развития личности, когда закладывается фундамент физического, психического и нравственного здоровья. От того, в каких условиях оно будет протекать, во многом зависит будущее ребенка.

Исследования многих авторов (А. Фрейд [11], Э. Эриксон [13], К. Хорни [12], Д. Винникотт [6], В. И. Брутман [3] и др.) говорят о критичности для ребенка качества заботы матери в первые недели и месяцы жизни. Общим заключением множества подходов, изучающих роль матери в жизни ребенка, является констатация потребности ребенка в наличии и поддержании чувства безопасности и уверенности в его обеспечении со стороны взрослых, в первую очередь – матери. Оно выражается в проявлении заботы взрослого и демонстрации ребенку своего положительно-эмоционального отношения к нему. В рамках отечественной психологии функции матери в обеспечении эмоционального комфорта ребенка более прицельно изучаются через призму искаженного материнско-детского взаимодействия, выступающего источником нарушения эмоционально-личностной сферы и психического здоровья ребенка (в младенческом, дошкольном, подростковом возрастах). Сюда относятся исследования родительского отношения, родительской позиции, стиля детско-родительских взаимодействий и т. п. [4; 9].

В качестве центральной темы исследований в работах, относящихся к этим направлениям, выделяется базовое отношение к миру, которое формируется в раннем возрасте (А. Я. Варга [4], М. В. Колоскова [7], Г. В. Скобло [8] и др.). Содержанием этой структуры является активно-доверительное отношение к миру (М. В. Колоскова), устойчивый положительно-эмоциональный фон настроения. Формирование такого содержания субъективного опыта ребенка основано на поведении матери, которая, помимо удовлетворения физиологических и эмоциональных потребностей ребенка, обеспечивает поддержку его активного, инициативного отношения к миру. Мать воспринимает ребенка как субъекта не только потребностей, но и эмоциональных переживаний, активности [7].

Исследования эмоционального благополучия ребенка в разных возрастах и его связи с отношением и поведением матери показали, что оно проявляется не только в преимущественном положительном фоне настроения, но и в стиле переживания результатов действий, успехов и неудач, развитии познавательной мотивации, включении взрослого в совместную деятельность, отношении к оценке взрослого, развитии самоконтроля, стиля переживания ситуации разлуки с близким взрослым, переживании семейной ситуации [10].

Мы выделяем материнское отношение как базовый параметр, влияющий на течение раннего онтогенеза, и рассматриваем его в качестве детерминанты возникновения виктимности в конкретной среде. Характеристики родителей (в первую очередь матери) как первичного «агента» социализации выступают социальной компонентой виктимизации в четырехмерном подходе: биологическое – психологическое – социальное в культурной детерминации. Основопологающим параметром виктимогенеза становится процесс социализации ребенка через нарушение материнской привязанности.

Рассматривая явление материнской привязанности, необходимо отметить его бессознательный характер и структурное строение, содержащее аффективный, когнитивный и поведенческий компоненты (М. А. Василенко), содержание которых определяется опытом, полученным во взаимодействии с матерью в раннем детстве. М. А. Василенко обозначает привязанность как первичную социальную установку, в дальнейшем переносимую ребенком на все социальные отношения [5]. Нарушение привязанности приводит, по мнению многих авторов (Д. Боулби [2], Л. И. Божович [1], Д. Винникот [6] и др.), к возникновению материнской депривации и нарушениям развития личности.

Таким образом, специфика взаимодействия матери и ребенка в раннем возрасте является основой для возникновения виктимных процессов. Отсутствие материнской привязанности, ее низкое качество скажутся на психоэмоциональном, психомоторном и когнитивном развитии ребенка, определяют специфику его самоотношения и уровень самооценки. Нарушение любого из компонентов привязанности приведет к соответствующему типу виктимизации и возникновению виктимного поведения.

По мнению многих авторов, нарушение базового механизма материнской привязанности ведет к психической депривации. Так, И. В. Ярославцева рассматривает явление психической депривации как психологическое состояние, проявляющееся в незрелости и искажениях личностного развития и психофизиологической деятельности организма, провоцирующие социальную и психологическую дезадаптацию [14]. Рассматривая роль психической депривации в формировании разных типов виктимизации, необходимо учитывать первичные условия, связанные с осо-

бенностями прохождения перинатального периода и наличием биологической патологии. Обозначим специфику воздействия материнской привязанности на дальнейшую траекторию развития ребенка в зависимости от первичного типа: нормативный онтогенез, дизонтогенез психологической инициации, дизонтогенез биологической инициации, дизонтогенез.

Изначально адаптивный тип развития в ситуации нарушения материнской привязанности и демонстрации матерью эмоциональной холодности и отвержения в зависимости от уровня жизнестойкости может в дальнейшем сохранить траекторию адекватного социально-психического развития при условии компенсации со стороны значимого микроокружения. При отсутствии девиктимизирующей компенсации нарушение материнской привязанности приводит к возникновению виктимогенеза социально-психологической инициации. Следствием отсутствия материнской привязанности станет затруднение выстраивания эмоционально близких отношений, нарушение границ личности, выраженная тенденция к формированию зависимости. Огромное влияние нарушение материнской привязанности и выбираемые стили материнского отношения оказывают на ребенка с первичной дезадаптацией биологического типа. В условиях первичной биологической уязвимости низкая материнская привязанность и неадекватные стили материнского отношения приводят к виктимизирующей траектории развития с соответствующими эмоциональными, поведенческими когнитивными установками.

Определяющую роль в выстраивании траектории индивидуального развития играет материнская привязанность и отношение к ребенку в случае дизонтогенеза биологической или психологической инициации. Именно материнское отношение определит возможности для девиктимизации и формирования невиктимной стратегии развития. Однако если в ситуации дизонтогенетического развития нарушено формирование базового эмоционального настроя с соответствующими когнитивными параметрами, возникающими вследствие материнского отношения, то онтогенез смещается в зону виктимогенеза с соответствующими типами социально-психологических нарушений.

Таким образом, именно материнская привязанность и общее отношение матери к ребенку, проявляющееся в стратегиях материнского воспитания в раннем детском возрасте выступает основополагающим параметром онтогенеза. Для исследования различных аспектов материнского отношения и факторов их детерминации было проведено эмпирическое исследование.

Описание исследования и выборка. Исследование проводилось на случайной выборке молодых женщин (128 человек) в возрасте от 20 до 30 лет, условием было наличие детей возрастом до 4 лет.

Использовались такие эмпирические методы, как анкетирование и тестирование. Тестовый материал представлен в виде следующих методик: многофакторный личностный опросник 16PF, автор Р. Кеттелл (форма С); опросник «Измерение родительских установок и реакций» (PARI), авторы Е. Шефер и К. Белл; методика диагностики родительского отношения (ОРО), авторы А. Я. Варга и В. В. Столин; опросник «Анализ семейных взаимоотношений» (АСВ), авторы Э. Г. Эйдемиллер, В. В. Юстицкис.

Анализ и обсуждение результатов. Факторный анализ различных параметров родительского отношения женщин позволил выделить четыре основных фактора с соответствующим типом воспитания, выявляющих специфику детерминации возникновения типа родительского отношения и особенности его проявления. Во-первых

это комплекс параметров связанных с **авторитарностью** в отношениях родителей к детям (25 % всей выборки). Рассматривая факторный вес различных параметров, можно выделить как значимые следующие аспекты.

Авторитарный тип родительского отношения будет характеризоваться такими параметрами, как высокий уровень эмоциональной дистанции с ребенком (0,844), отсутствие оптимального эмоционального контакта (–0,576), низкий уровень концентрации на потребностях ребенка (–0,588). Большое внимание в такой семье уделяется организации быта и хозяйственно-бытовым потребностям (0,65), эмоциональные и другие потребности ребенка чаще игнорируются (0,796). Значимыми характеристиками родительской сферы таких мам выступают неразвитость родительских чувств (0,757), проекция на ребенка собственных нежелательных качеств (0,764) и вынесение конфликта между супругами в сферу воспитания (0,63). Это означает, что в семье присутствует эмоциональное отвержение ребенка (0,836), основанное на проекции на него собственных нежелательных качеств, повышенная моральная нормативность и чрезмерность требований (0,64), реализуемая через систему жестких санкций (0,639), вплоть до жестокого обращения (0,725). Слабая развитость родительских чувств коррелирует с высоким уровнем отвержения самого родителя в детстве (0,56). Параметр внесения конфликтов между супругами в сферу воспитания будет проявляется в виде разницы родительских посланий, вызванной конкуренцией друг с другом и потребностью выражать недовольство через внешне приемлемые способы «заботы о ребенке». Кроме того, данный параметр связан с неустойчивостью стиля воспитания (0,719), проявляющегося в непоследовательности санкций за поведенческие проявления ребенка, его инфантилизации и снижение инициативы (0,717). Характерными чертами матерей с авторитарным стилем воспитания являются также избегание общения с ребенком (0,538), особенно если ребенок чем-то недоволен, запугивание его ужасными последствиями его поступков (0,614) с актуализацией состояния ожидания кары, что приводит к развитию тревожно-мнительных черт характера ребенка, неспособность к партнерскому взаимодействию (0,629). Кроме того, свою семейную роль и необходимость находиться с ребенком в декрете такие мамы воспринимают как «мученичество» (0,584), которое зачастую компенсируют высокой раздражительностью (0,816) и строгостью в воспитательных воздействиях (0,575).

Социально-экономическими характеристиками женщин, придерживающихся авторитарного стиля воспитания, выступили: наличие постоянного места работы, средний достаток, отсутствие собственного жилья, наличие супружеских конфликтов (0,671). Отношение к материнству связано с преобладанием отрицательных мотивов сохранения беременности, которая является не запланированной. Достоверно значимы следующие психологические особенности мам с авторитарным типом воспитания: эмоционально-волевая сфера характеризуется тенденцией к непостоянству целей, затруднением выполнения социально-культурных требований и высокой свободой от влияния групповых норм (0,644). Эмоциональная сфера чаще насыщенная, наблюдаются экспансивность, склонность к эмоциональному лидерству, импульсивность во взаимодействии (0,679), а также выраженная успешность установления и поддержания межличностных связей (0,676), предприимчивость, решительность, способность не замечать трудности или активно их преодолевать (0,52).

Группа, придерживающаяся **демократического** стиля воспитания, состоит из 32 человек от общего числа участниц исследования (25 %). Математический анализ позволил выяснить, что женщины этой группы делятся на несколько типов, разли-

чающихся по некоторым параметрам, значимым в определении специфики влияния на ребенка, однако присутствуют общие закономерности, определяющие формирование стиля воспитательных воздействий.

Женщины с демократическим стилем воспитания характеризуются высоким уровнем гармонии в межсупружеских отношениях, связанных со способностью к эмоциональной и моральной поддержке друг друга (0,522). Такие пары характеризуется способностью к созданию системы, позволяющей развиваться обоим партнерам при достижении внутреннего комфорта и эмоциональной стабильности семьи. Отношение к ребенку у женщин с демократическим стилем воспитания характеризуется оптимальным эмоциональным контактом (0,686) включающим в себя способность к выстраиванию партнерских отношений с ним (0,632), внимательность к его потребностям (0,503), стимулирование их вербализации (0,587), поощрением детской активности (0,698). Несколько неоднозначным выступает параметр стремления таких мам ускорить развитие ребенка (0,561), что, однако, может быть объяснено существующей модой на ускоренное развитие.

Психологические характеристики женщин данной группы включают в себя высокий уровень общительности, добродушия и легкость в общении (0,644), способность к эмоциональному выражению; доверчивость, терпимость, уживчивость, способность заботиться о других и работать в группе (0,535); высокую скорость решения практических задач при ориентации на внешнюю реальность и способности сохранять присутствие духа в стрессовых ситуациях (0,503); низкая тревога, высокий уровень внутреннего спокойствия (0,529).

Факторная детерминация **гиперопекающего** (10 % от общей выборки) стиля воспитания связана с такими параметрами, как излишняя концентрация на ребенке (0,634), выражающаяся в чрезмерной заботе о нем и создании максимально безопасной ситуации, приводящей к формированию отношений зависимости. По результатам анализа факторов выделилось несколько различных компонентов, составляющих выбор данной стратегии: выраженная фобия утраты ребенка (0,973), его эмоциональное принятие (0,964), высокая тревога (0,927), минимальность санкций к ребенку (0,869), возможно, из-за опасения причинить ему вред (0,706), подавление активности ребенка (0,924), в том числе и агрессивного плана (0,739), стремление снизить скорость развития ребенка (0,881), инфантилизировать его (0,836) при игнорировании его потребностей (0,695). Преодоление сопротивления ребенка и чрезмерное вмешательство в его мир могут привести к возникновению серьезных сложностей психоэмоционального характера. Как значимый выступает фактор предпочтения детских качеств в ребенке (0,565), приводящий зачастую к развитию психического инфантилизма.

Родительская позиция такой мамы характеризуется неустойчивостью стиля воспитания (0,960), воспитательной неуверенностью (0,719), ограниченностью представлений о себе как о матери (0,869), внесение супружеских конфликтов в воспитание (0,680).

Среди характеристик мамы отмечается богатое воображение (0,934), интровертированность (0,812), эмоциональная холодность (0,745), боязливость (0,741), напряженность (0,627), склонность к чувству вины (0,656) при высокой инициативности (0,875), дисциплинированности (0,601) и честолюбивости (0,791). Мнение ребенка такой мамой не учитывается (0,678), наблюдается чрезмерная забота (0,606) при отсутствии адекватных требований к нему (0,654). Таким образом, достоверно выраженным психологическим свойством такой мамы выступает высокая тревога, возможно, обусловленная личными жизненными обстоятельствами.

Отдельно хотелось бы обозначить тип женщин с **попустительской** стратегией материнского воспитания, проявление которой совмещено с высокой авторитарностью (40 % выборки). Проявление такой стратегии воспитания выражается в следующих параметрах: гипопротекция (0,831); чрезмерность требований к ребенку (0,733); симбиоз (–0,73); игнорирование потребностей ребенка (0,654); отсутствие фобии утраты ребенка (0,653); навязчивость родителей, вмешательство в мир ребенка (–0,652); эмоциональное принятие ребенка (0,597); неспособность к кооперации (0,590); неразвитость родительских чувств (0,605); самоуверенность, напористость (0,557); инфантилизация ребенка (0,541); минимальность санкций (0,516).

Факторный анализ позволил выделить ряд параметров, выступающих детерминантами формирования этой воспитательной стратегии. Психологические характеристики мамы: независимость, резкость, инициативность (0,792); утонченность, честолюбивость (0,789); самостоятельность, жесткость, практичность (0,608); внутренняя напряженность, нетерпеливость (0,598); готовность к сотрудничеству, общительность (0,578); самостоятельность, независимость во взглядах (0,540). Это активный тип женщин, направленный на социальное взаимодействие и карьеру с явными лидерскими задатками. Материнство для таких женщин не является приоритетным и часто оценивается как неприятный, но необходимый жизненный этап.

Социально-экономические характеристики женщин данной группы включают высокое материальное положение (0,689) и наличие отдельного жилья (0,593). Основной состав – это женщины с высшим и средне-специальным образованием, занятые работой, с хорошим материальным положением и хорошими отношениями с родственниками. Ведущий стиль воспитания в родительской семье – опекающий (0,570) с выраженными характеристиками второй стратегии (демократический или авторитарный) и выраженным доминированием матери (0,533). Отношение к материнству в этой группе осложняется преобладанием отрицательных мотивов сохранения беременности, которая чаще случайна. Для женщин важен пол ребенка. Любимые занятия этих женщин в детстве – подвижные игры или помощь взрослым, одиночество.

Рассматривая факторное наполнение, определяющее тип воспитания, необходимо сгруппировать основные параметры в кластеры. В результате характерными проявлениями выступили: наличие у мамы опекающего стиля воспитания в родительской семье, что, возможно, выражается в достаточно высоком уровне эгоцентризма, приводящего к отстраненности от собственного ребенка, с комплексом требований к самостоятельности от ребенка и от себя. Однако при этом наблюдается высокая готовность к оказанию необходимой помощи в случае, если ребенок способен ее попросить. Это говорит, что у данной группы матерей может быть нарушено восприятие маленького ребенка и присутствует ожидание от него взрослой позиции. Отрицательные мотивы сохранения беременности, неразвитость родительских чувств, предпочтение в качестве детских игр занятий, не связанных с формированием материнского поведения, дает нам основание предполагать нарушение гештальта материнства.

Выводы. Анализ закономерностей взаимосвязи стиля воспитания маленьких детей со стратегией воспитания в родительской семье позволяет сделать предположение, которое, несомненно, нуждается в дополнительных исследованиях. Наблюдается общая тенденция изменения стиля родительского воспитания: на первое место выдвигается попустительская стратегия материнского воспитания, характерная для молодых женщин из опекающих семей, настроенных на карьеру и ожидающих от

ребенка недетского поведения. Эмоциональная холодность и незаинтересованность в психоэмоциональном контакте с ребенком может вызывать в нем соответствующие проблемы (различные нарушения виктимного плана, дифференцирующиеся в соответствии с ведущими эмоционально-межличностными нарушениями с соответствующими поведенческими тенденциями: чувство одиночества, ненужности, покинутости, склонность к зависимостям, аутоагрессии), приводя к нарушению психического здоровья. Считающийся адекватным демократический стиль представлен у 25 % выборки и напрямую связан с параметрами благополучия в супружеской паре и психологической зрелостью самой женщины, что вызывает серьезное беспокойство в свете современных тенденций к инфантилизму и развалу института семьи. Также 25 % испытуемых демонстрировали авторитарный стиль родительского отношения, более свойственный молодым мамам, имеющих низкий уровень родительских чувств, эмоциональную холодность и высокий уровень раздражения по отношению к ребенку. Попытки встроить маленького ребенка в свой мир без учета его потребностей приводят к его обезличиванию и в дальнейшем – легкости применения к нему различного рода санкций, включая жестокое обращение. Подобная стратегия воспитания матери приводит к возникновению виктимных деформаций агрессивного или пассивного плана, приводя к нарушению социального функционирования и психологического здоровья. Таким образом, только 25 % детей из исследуемой выборки имеют шанс в рамках раннего воспитания получить адекватные условия для формирования невиктимного типа личности с соответствующими межличностным и личностными компетенциями.

Список литературы

1. Божович Л. И. Проблемы формирования личности. М.: МПСИ; Воронеж: МО-ДЭК, 2001. 352 с.
2. Боулби Д. Привязанность / пер. с англ.; под ред. Г. В. Бурменской. М.: Гардарики, 2003. 462 с.
3. Брутман В. И. Формирование привязанности матери к ребенку в период беременности // Вопросы психологии. 1999. № 3. С. 38–47.
4. Варга А. Я. Структура и типы родительского отношения: дис. ... канд. психол. наук. М., 1986. 206 с.
5. Василенко М. А. Привязанность ребенка к матери как фактор ранней социализации // Известия Российского государственного университета имени А. И. Герцена. Аспирантские тетради. 2011. № 129. С. 34–47.
6. Винникот Д. Семья и развитие личности. Мать и дитя. Екатеринбург: ЛИТУР, 2005. 400 с.
7. Колоскова М. В. Психическое развитие младенцев с повышенным риском заболевания шизофренией: дис. ... канд. психол. наук. М., 1989. 120 с.
8. Скобло Г. В., Дубовик О. Ю. Система «мать-дитя» в раннем возрасте как объект психопрофилактики // Социальная и клиническая психиатрия, 1992. № 2. С. 75–78.
9. Филиппова Г. Г. Материнство и основные аспекты его исследования в психологии // Вопросы психологии. 2001. № 2. С. 22–36.
10. Филиппова Г. Г. Психология материнства: учеб. пособие. М.: Изд-во ин-та психотерапии, 2002. 240 с.
11. Фрейд А. Теория и практика детского психоанализа / пер с англ. и нем. М: Апрель-Пресс: ЭКСМО-Пресс, 1999. 384 с.
12. Хорни К. Невротическая личность нашего времени / пер. с англ. и примечания А. И. Фета. Nyköping (Sweden), 2016. 186 с.

13. Эриксон Э. Детство и общество / пер. с англ. СПб.: Ленато, АСТ: Университетская книга, 1996. 592 с.

14. Ярославцева И. В. Психическая депривация в детском и подростковом возрасте: учеб. пособие. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2014. 190 с.

Мищенко Василиса Федоровна

*Новосибирский государственный педагогический университет;
медицинский психолог, Новосибирская клиническая районная больница № 1,
Новосибирск, Россия, 79511672335@mail.ru*

Мозолева Наталья Владимировна

*кандидат биологических наук, доцент кафедры практической и специальной
психологии, Новосибирский государственный педагогический университет,
Новосибирск, Россия, mozolevskaya@list.ru*

Соколов Юрий Владимирович

*Заведующий отделением, Новосибирская клиническая районная больница № 1,
Новосибирск, Россия*

ИЗУЧЕНИЕ КОПИНГ-СТРАТЕГИЙ ВОЛОНТЕРОВ ОТДЕЛЕНИЯ ПАЛЛИАТИВНОЙ ПОМОЩИ

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению феномена копинг-стратегий и их специфики у волонтеров отделения паллиативной помощи. Проблема специализации волонтерства в контексте паллиативной психологии приобретает значимость в связи с ростом онкологических заболеваний. Авторы изучают различные виды, а также причины совладающего со стрессом поведения. Копинг-стратегии рассматриваются как способ управления стрессором и как актуальные ответы личности на воспринимаемую угрозу.

Ключевые слова: копинг-стратегии, волонтер, защитные механизмы, здоровье, качество жизни, инкурабельный больной, паллиативное отделение.

Mishchenko Vasilisa Fedorovna

Novosibirsk State Pedagogical University, Medical psychologist, Novosibirsk Clinical District Hospital No. 1, Novosibirsk, Russia, 79511672335@mail.ru

Mozolevskaya Natalia Vladimirovna

Candidate of Biological Sciences, Associate Professor, Department of Practical and Special Psychology, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia, mozolevskaya@list.ru

Sokolov Yuri Vladimirovich

Department Head, Novosibirsk Clinical District Hospital No. 1, Novosibirsk, Russia

STUDY OF COPING STRATEGIES OF VOLUNTEERS OF THE PALLIATIVE CARE

Abstract. The article is devoted to the consideration of the phenomenon of coping strategies and their specificity in the volunteers of the Department of palliative care. The problem of specialization of volunteering in the context of palliative psychology is gaining importance in connection with the growth of cancer. The authors study various species, as well as the causes of stress-coping behavior. Coping strategies are considered as a way to manage a stressor and as relevant personal responses to a perceived threat.

Keywords: coping strategies, volunteer, defense mechanisms, health, quality of life, incurable patient, palliative care.

На сегодняшний день в России около 13 % жителей находятся в возрастном периоде старше 60 лет. По официальным статистическим данным, в г. Новосибирске в последние годы численность жителей значительно возросла как за счет увеличения рождаемости и по причине миграции населения. Так, прирост населения за год составил 0,6 % и насчитывает 1 млн 612,8 тыс. человек. В частности, прирост лиц старшей возрастной группы составил около 20 % за последние десятилетия [3]. По стандартам Организации объединенных наций, население, в котором доля пожилых людей превышает 8 % от общей численности, следует рассматривать как «демографически старое».

Очевидно, что демографическое старение повлечет за собой увеличение процента хронических патологий в общей структуре заболеваемости. Согласно данным ВОЗ злокачественные новообразования стоят на втором месте в перечне факторов заболеваемости и смертности, уступая сердечно-сосудистым заболеваниям. Рак является причиной смерти в 20 % случаев в Европейском регионе. На данный процент приходится около 2 млн смертей в год [3].

За последние 30 лет в Российской Федерации распространенность онкозаболеваний возросла более чем в 2 раза, при этом наибольшее число заболевших приходится на старшую возрастную группу. Такая негативная тенденция неизбежно ведет к повсеместному росту потребности в паллиативной помощи.

По данным 2004 г., в структуре онкологической патологии злокачественные новообразования I–II стадии составляли 42,2 %, III стадии – 25,4 %, IV стадии – 23,6 %, в 8,8 % случаев стадия не была установлена, то есть злокачественные новообразования III–IV стадии составляли около 49 % в структуре онкологической патологии, что свидетельствует о возможности проведения только паллиативных лечебных мероприятий практически у половины контингента больных с онкологическими заболеваниями [5].

Паллиативная помощь представляет собой систему организации медицинской помощи и общего ухода за умирающими больными, включающую поддержание физических, психологических, социальных и духовных потребностей больных, а также психологическую помощь их близким в течение всего периода болезни, а также в течение острого переживания смерти близкого, так называемого периода утраты [9].

Уход за инкурабельным больным, находящимся в терминальном состоянии, психологическая поддержка со стороны медицинского персонала обеспечивают пациенту относительно комфортное состояние, помогая осознать и принимать происходящее с ними, сохранить относительную активность и самоуважение [8].

С 2005 г. в России осуществляется Национальный проект «Здоровье», программа которого ориентирована на совершенствование первичной и специализированной медицинской помощи до уровня мировых стандартов. В рамках этого проекта особый акцент делается на мероприятиях превентивного характера, а именно: профилактике и ранней диагностике заболеваний [5]. Вместе с тем по-прежнему остается на стадии разработки ряд вопросов, касающихся организации паллиативной помощи инкурабельным больным как в многопрофильных стационарах, так и в амбулаторно-поликлинических условиях. В частности, в практике отечественного здравоохранения слабо разработана проблема кадровой подготовки персонала, обеспечивающего паллиативную помощь инкурабельным больным и пациентам в терминальной стадии. Недостаточно внимания уделяется организации социально-психологической подготовки и финансовой заинтересованности сотрудников с целью предотвращения текучести кадров [9].

Таким образом, очевидна необходимость более детального модернизирования основных принципов обеспечения паллиативной помощи, всестороннего научного исследования этических и деонтологических проблем данной сферы. Особого внимания заслуживает изучение профилактики и специфики формирования синдрома «эмоционального выгорания» медперсонала при взаимодействии как с пациентами, имеющими различные формы прогрессирующих заболеваний, так и с их родственниками [10].

В настоящее время представляется весьма актуальным создание информационно-образовательного контента с целью повышения профильной осведомленности высшего и среднего звеньев медперсонала, психологов, волонтеров о проблемах оказания паллиативной помощи инкурабельным больным в терминальной стадии развития заболеваний. Отдельного внимания требуют геронтологические пациенты. Это связано с тем, что в оказании паллиативной помощи нуждаются люди не только с онкозаболеваниями, но и с другими прогрессирующими хроническими заболеваниями различных нозологических форм [5].

Исходя из вышеизложенного, следует отметить, что на данном этапе развития страны актуален запрос на создание научно-обоснованной модели паллиативной помощи, способной разрешать вопросы, касающиеся качества жизни больных. Кроме того, оптимизация паллиативной помощи инкурабельным больным возможна только при условии интегрального подхода к вопросу. Необходимо тесное взаимодействие и межотраслевое сотрудничество систем здравоохранения, психологической поддержки и социальных структур [9]. С этой точки зрения безусловно приоритетным является создание системы помощи и взаимопомощи не только со стороны родственников, медицинского персонала, психологов, но и со стороны волонтеров (в настоящее время стремительно развивающееся направление помощи социально незащищенных граждан).

Привлечение волонтерских организаций обусловлено также высокой текучестью кадров медицинских работников в лечебно-профилактических учреждениях паллиативного профиля, вызванной формированием синдрома «эмоционального выгорания» у персонала. В немногочисленных научных исследованиях, проведенных за последние годы, рассматривались вопросы оценки качества жизни больных с различными формами злокачественных новообразований, отдельно изучалась специфика оказания паллиативной помощи средним медицинским персоналом, а также исследовались разноаспектные проблемы эвтаназии [6]. Однако научного изучения организационно-функциональной модели паллиативной помощи со стороны волонтерских организаций/волонтеров инкурабельным больным с различными нозологическими формами хронических прогрессирующих заболеваний в терминальной стадии до последнего времени в РФ не проводилось, что явилось основанием для выбора темы настоящего исследования.

По вышеуказанным причинам экономически необходимо развивать не просто волонтерство, а волонтерство инкурабельным больным. Несомненно, важным аспектом предложения по взаимодействию в рамках «волонтер – инкурабельный больной» является всестороннее изучение состояния психологического здоровья волонтеров, а также проработка программы по поддержке эмоционального статуса и сохранению психического здоровья.

Период конца XX – начала XXI столетия характеризуется быстро меняющимися условиями жизни. Увеличение объема информационных потоков, экономическая и социальная нестабильность, даже нарастание климатических неблагоприятных

факторов ведут к напряжению адаптивных механизмов человека, в частности, дисбалансу психоэмоционального компонента психического здоровья и, как следствие, к проблеме социализации личности.

В мировой практике определение психического и психологического здоровья тождественно. В отечественной литературе эти понятия, как правило, интерпретируются по-разному. Специфика российского менталитета связывает термин «здоровье» исключительно с медициной, а психическое здоровье с психиатрическим либо психотерапевтическим профилем [4]. Вероятно, в связи с неоднозначностью трактовки понятия психического здоровья, где акцент часто смещен в сторону психопатологии, надлежащее внимание в массовом сознании не уделяется другим формам нарушения социализации личности, завышению либо снижению уровня притязаний, неадекватным самооценкам и пр.

Примеров развития деструктивных форм поведения можно привести множество, диапазон их довольно широк: от трудностей саморазвития до суицидальных и других аддиктивных проявлений. Дифференцировать такие состояния, помочь в их успешном преодолении может профессиональный психолог. В связи с этим, когда встает вопрос о преодолении стрессовых ситуаций, возникающих в повседневной жизни, имеет смысл говорить о копинг-стратегиях (слово «копинг» в дословном переводе означает «справляться с чем-либо, совладать с трудными стрессовыми ситуациями»). Необходима выработка стратегии совладания со стрессовыми ситуациями, то есть важно обладать копинг-стратегиями. Следует подчеркнуть, что это форма активного целенаправленного поведения, ориентированная на устранение либо снижение интенсивности влияния стрессора. Копинг-поведение реализуется путем подбора определенной стратегии на основе наличествующих личностных и средовых ресурсов.

Копинг-стратегии рассматриваются как способ управления стрессором и как актуальные ответы личности на потенциально или реально воспринимаемую угрозу. В связи с тем что в процессе деятельности волонтер сталкивается с большим количеством стрессогенных факторов, поэтому к такой профессиональной характеристике, как стрессоустойчивость предъявляются повышенные требования [4]. Очевидно, что для волонтеров наличие в их арсенале копинг-стратегий является актуальным вектором преодоления стресса. Изучение психологических функций показало, что при стрессе могут возникать изменения всех показателей, начиная от восприятия, внимания, памяти, заканчивая процессами мышления и организации сложных поведенческих актов [2]. Поскольку к успешности выполняемой деятельности и к самой личности волонтера социальные требования возрастают, проблема изучения стрессосовладающего поведения в ходе осуществляемой деятельности обостряется [7].

В связи с обозначенными выше актуальными проблемами поднятой темы было принято решение провести исследование предпочитаемых волонтерами копинг-стратегий, разделив их при этом на две разные группы (в зависимости от типа благотворительной деятельности).

Основная цель исследования – выявить особенности копинг-поведения волонтеров, чья добровольческая деятельность направлена на помощь разным организациям. В задачи настоящего исследования входило следующее:

- 1) осуществить теоретический анализ проблемы копинг-поведения волонтера в добровольческой деятельности;
- 2) определить содержание основных понятий;

- 3) выявить возрастные особенности копинг-поведения учителя;
- 4) выявить особенности копинг-поведения волонтера разных типов волонтерской деятельности.

В ходе исследования использовалась методика, предназначенная для определения копинг-механизмов, способов преодоления трудностей в различных сферах психической деятельности, копинг-стратегий. Выбор методики определялся такими параметрами, как удобство в использовании при обследовании людей в режиме онлайн, диагностической ясностью, обоснованностью. Опросник считается первой стандартной методикой в области измерения копинга [1].

Выбор испытуемого той или иной стратегии совладания со стрессом определяется по приведенным критериям:

- значения ниже 40 баллов – редкое использование соответствующей стратегии;
- $40 \text{ баллов} \leq \text{показатель} \leq 60 \text{ баллов}$ – умеренное использование соответствующей стратегии. В этом контексте необходимо сказать, что использование стратегий в подобном ключе говорит о среднем между крайностями: не большой и не малый, не сильный и не слабый, ни много и ни мало. В отдельных случаях имеющий яркую выраженность и, наоборот, совершенно не применяемый в иных, порой подобных, проблемных обстоятельствах;

- показатель более 60 баллов – выраженное предпочтение соответствующей стратегии. Говорит об очевидности выбора личностью той или иной стратегии, не подлежащего какому-либо сомнению.

Исследование проводилось на базе отделения паллиативной помощи клинической районной больницы г. Новосибирска, которое является первым в области. Здесь производится госпитализация пациентов из г. Новосибирска и Новосибирской области согласно утвержденному порядку. Профиль отделения ориентирован на онкологических больных.

С целью оценки наиболее/наименее предпочитаемых стратегий совладающего со стрессом поведения были обследованы 28 волонтеров различной возрастной категории (средний возраст обследованных составил $32 \pm 1,3$ года). В первую группу вошли волонтеры, чья деятельность направлена только на помощь отделению паллиативной помощи (ОПП). Вторая группа – волонтеры, чья волонтерская деятельность ориентирована на помощь иным организациям. Для получения результатов использован критерий Манна – Уитни.

В ходе исследования было выявлено, что показатели совладающего поведения у волонтеров ОПП достоверно выше, чем у волонтеров, чья деятельность направлена на помощь другим организациям ($t = 2,78, p < 0,01; t = 3,16, p < 0,001$) (табл.).

Таблица

Показатели совладающего поведения волонтеров

Тип копинг-стратегии	Волонтеры ОПП (ср. балл)	Иные волонтеры (ср. балл)
Конфронтация	50	41
Дистанцирование	51,2	39
Самоконтроль	53	46,1
Поиск социальной поддержки	49	47,4
Принятие ответственности	50	43,3
Бегство-избегание	45	53,6
Планирование решения	53,3	43,4
Положительная переоценка	51,6	44,1

Очевидно, что все типы копинг-стратегий распределены в диапазоне от 40 до 60 баллов, что означает умеренное, среднее предпочтение определенному типу совладающего поведения. Однозначно можно отметить отсутствие показателей меньше 40, что дает понимание редкого использования стратегии и показателей более 60, выраженного предпочтения соответствующей стратегии совладающего поведения волонтеров.

В ходе исследования выявлено, что наиболее предпочитаемым копинг-поведением у волонтеров ОПП является «Планирование решений» (53,3 балла), «Самоконтроль» (53 балла), «Положительная переоценка» (51,6 баллов). Стратегия «Планирование решений» предполагает попытки преодоления проблемы путем целенаправленного анализа ситуации и возможных вариантов поведения, на основе чего вырабатываются стратегии в условиях сложившейся проблемы, осуществляется планирование собственных действий с учетом объективных условий, имеющегося прошлого опыта и наличествующих определенных ресурсов. Эта стратегия рассматривается большинством исследователей как наиболее адаптивная, способствующая конструктивному разрешению трудностей в представленной ситуации. Однако эта стратегия имеет и отрицательные качества, например вероятность чрезмерной рациональности, что может привести к потере рассудка, необходимого в конкретной ситуации, а также недостаточной эмоциональности, интуитивности, спонтанности в поведении, ощущению равнодушия и оторванности от действительности и, как следствие, плохому пониманию окружающих.

Предпочитаемые копинг-стратегии волонтеров, чья деятельность направлена на иные учреждения: «Бегство-избегание» (53,6 баллов) «Поиск социальной поддержки» (47,4 баллов) и «Самоконтроль» (46,1 баллов).

«Бегство-избегание» внешне выражается как обычное поведение, но в поступках наблюдается несколько неестественное, вынужденное и подсознательно скрываемое, хотя, как правило, очевидное для других. Проявляется оно в виде наигранного веселья или внешне не мотивированной неожиданной злости. Это может быть незапная и не характерная для человека активность либо пассивность или возникшая замкнутость с плохо скрываемой раздражительностью. В целом поведение отражает внутреннюю напряженность и плохое понимание личностью своего состояния.

Наименее предпочитаемым в этом диапазоне типом копинг-стратегии является «Поиск социальной поддержки» (47,4 баллов). Его использование наиболее уместно во время переживания личного горя, несчастья, чтобы не оказаться одиноким в трудную минуту и быстрее пережить утрату. Оно выражается в стремлении человека к обращению за помощью даже к не близким или знакомым людям. Можно предположить, что этот тип совладающего поведения наименее популярен в ряде представленных из-за возможного нежелания распространяться о своей неудаче либо о своем горе. Зачастую человек не ищет поддержки со стороны своих коллег, друзей, единомышленников, а старается справиться с подобными ситуациями самостоятельно, что не всегда может получиться и в результате привести к непоправимым, пагубным последствиям.

Таким образом, волонтеры обеих групп выбирают лишь один способ совладающего поведения – «Самоконтроль». Иными словами, они применяют усилия по урегулированию своих чувств и действий. Отличительной чертой волонтеров ОПП от волонтеров, чья помощь направлена на иные учреждения, является выбор таких стратегий поведения, как планирование решения проблем, положительная переоценка (волонтеры ОПП) и бегство-избегание, поиск социальной поддержки (иные волонтеры).

В связи с предполагаемым положительным эффектом здоровьесберегающего подбора стратегии копинг-поведения рассматриваемая тема является актуальной и требует дальнейшего и более детального изучения. Таким образом, тема исследования может быть оценена как социально перспективная, позволяющая выделить новые закономерности и механизмы формирования совладающего поведения и способствующая осознанному выбору направления работы волонтера.

Список литературы

1. *Вассерман Л. И., Иовлев Б. В., Исаева Е. Р., Трифонова Е. А., Щелкова О. Ю., Новожилова М. Ю., Вукс А. Я.* Методика для психологической диагностики способов совладания со стрессовыми и проблемными для личности ситуациями: пособие для врачей и медицинских психологов. СПб.: СПб НИПНИ им. В. М. Бехтерева, 2009. 38 с.
2. *Волонтерское движение* [Электронный ресурс] // ADOLESMED.ru – портал для специалистов, работающих в сфере подросткового здоровья и медицины. URL: <http://www.adolesmed.ru/volunteers.html> (дата обращения: 16.09.2019).
3. *Всемирная организация здравоохранения. Европейское региональное бюро* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.euro.who.int/ru/media-centre/events/events/2019/09/who-launches-campaign-on-suicide-prevention> (дата обращения: 10.10.2019).
4. *Дёмина Л. Д., Ральникова И. А.* Психологическое здоровье и защитные механизмы личности: учеб. пособие. Барнаул: Алтайский государственный университет, 2005. 132 с.
5. *Косенок В. К., Педдер В. В., МIRONENKO В. Н.* и др. Новые подходы в паллиативном лечении больных злокачественными новообразованиями // Паллиативная медицина и реабилитация. 2008. № 2. С. 5–11.
6. *Лопастейский Д. С.* Отношение врачей и пациентов к эвтаназии в современной России (опыт социологического анализа): автореф. дис. . канд. мед. наук. Волгоград, 2006. 25 с.
7. *Нартова-Бочавер С. К.* «Coping behavior» в системе понятий психологии личности [Электронный ресурс] // Психологический журнал. 1997. Т. 18, № 5. С. 20–30. URL: <http://psychlib.ru/mgppu/periodica/PJ051997/NCB-020.HTM#p20> (дата обращения: 14.10.2018).
8. *Хетагурова А. К.* Вопросы качества жизни в современной паллиативной медицине // Проблемы управления здравоохранением. 2003. № 6(13). С. 49–53.
9. *Шарафутдинов М. Г., Новиков Г. А., Модников О. П.* и др. Организации паллиативной помощи онкологическим больным в условиях малых территорий России // Паллиативная медицина и реабилитация. 2000. № 3. С. 21–26.
10. *Эккерт Н. В.* Научное обоснование организационно-функциональной модели системы паллиативной помощи населению тема диссертации и автореферата по ВАК РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dissercat.com/content/nauchnoe-obosnovanie-organizatsionno-funktsionalnoi-modeli-sistemy-palliativnoi-pomoshchi-na> (дата обращения: 14.10.2018).

Перевозкин Сергей Борисович

кандидат психологических наук, доцент кафедры общей психологии и истории психологии, Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Россия, per@bk.ru

Перевозкина Юлия Михайловна

кандидат психологических наук, доцент, заведующий кафедрой практической и специальной психологии, Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Россия, per@bk.ru

СПЕЦИФИКА ЛИЧНОСТНОЙ СТРУКТУРЫ СТУДЕНТОВ С ВЫСОКИМ СОЦИАЛЬНЫМ ИНТЕЛЛЕКТОМ

Аннотация. Статья посвящена изучению закономерностей структурных трансформаций личностных особенностей в зависимости от уровня социального интеллекта студентов. Успешная социализация личности предполагает построение профессиональной карьеры, успешную трудовую деятельность, создание семьи, и для этого должны быть сформированы способность к построению адекватных межличностных отношений, способность увлечь за собой, понимать как себя, так и окружающих. Вышеперечисленное тесно связано с развитием социального интеллекта и может рассматриваться как высокий уровень развития социальных способностей. В исследовании использовался метод структурно-психологического анализа. Результаты исследования показали, что при разном уровне выраженности социального интеллекта личностные особенности студентов претерпевают структурные трансформации. На основе полученных результатов был сделан вывод о том, что максимальная структурированность личностных особенностей студентов имеет место на средних или оптимальных уровнях социального интеллекта. Именно средний уровень социального интеллекта может рассматриваться как наиболее действенный для раскрытия личностных особенностей студентов по отношению к основным параметрам социального интеллекта.

Ключевые слова: социальный интеллект, структура личности, трансформация, индексы организации структуры, когерентность, дивергентность.

Perevozkin Sergey Borisovich

Candidate of Psychological Sciences, Associate professor in Department of General Psychology and History of Psychology, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia, per@bk.ru

Perevozkina Yulia Mihaylovna

Candidate of Psychological Sciences, Assistant Professor, Head of Division of Practical and Special Psychology of Psychological Department, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia, per@bk.ru

THE SPECIFICITY OF THE PERSONAL STRUCTURE OF STUDENTS WITH HIGH SOCIAL INTELLIGENCE

Abstract. The article is devoted to the study of regularities of structural transformations of personal characteristics depending on the level of social intelligence of students. For successful socialization of the individual it is necessary to build a professional career,

successful work, family, and for this must be formed the ability to build adequate interpersonal relationships, the ability to carry away, to understand both themselves and others. The above is closely related to the development of social intelligence and can be considered as a high level of development of social abilities. The method of structural and psychological analysis was used as research methods. The results of the study showed that at different levels of expression of social intelligence personal characteristics of students undergo structural transformation. Based on the results, it was concluded that the maximum structuring of personal characteristics of students takes place at the average or optimal levels of social intelligence. It is the average level of social intelligence can be considered as the most effective for the disclosure of personal characteristics of students in relation to the basic parameters of social intelligence.

Keywords: social intelligence, personality structure, transformation, indices of structure organization, coherence, divergence.

Введение. Актуальность исследования обусловлена потребностью современного общества в развитии социальных навыков, продиктованной инновационными и высокотехнологичными преобразованиями в России и во всем мире. Для реализации последних необходимы нестандартные идеи и решения, эффективность в межличностных отношениях, способность создавать необычное и стимулировать к процессу окружающих людей. Организация условий для развития и реализации социального интеллекта личности является основной стратегической задачей России, что отражено в ряде документов, ключевыми идеями которых выступают выявление одаренных детей и создание условий для их творческого становления, которое невозможно без рассмотрения взаимодействия личности с ее социальным окружением. Для успешной социализации личности необходимы построение профессиональной карьеры, успешная трудовая деятельность, создание семьи, что обусловлено сформированностью способности к построению адекватных межличностных отношений, способности увлечь за собой, понимать как себя, так и окружающих [6]. Вышеперечисленное тесно связано с развитием социального интеллекта и может рассматриваться как высокий уровень развития социальных способностей.

Значимость исследования сопряжена с практическими трудностями и требованиями нынешнего образования, вызванными потребностью подготовки выпускников высшей школы к жизни и профессиональной деятельности в новых финансовых обстоятельствах. Изучение проблем формирования социальных умений и знаний считается востребованным, потому что возрастает количество контактов среди людей в различных областях жизни, то есть в деловом содействии, служебном продвижении, профессиональном и личностном развитии [1]. Результативность трудовой деятельности находится в зависимости не только от профессионального мастерства, но и способности к установлению прочных и конструктивных взаимоотношений с обширным кругом людей. Социальный интеллект обретает роль профессионально значимого свойства для каждого субъекта, который стремится к успешной и эффективной трудовой деятельности. Сталкиваясь с определенными трудностями взаимодействия при вхождении во взрослую независимую жизнь, молодое поколение испытывает необходимость в осмыслении жизненного опыта [6].

В свою очередь социальный интеллект считается основным компонентом успешного включения в общественную жизнь, развития специалиста в социальной области и управлении, инициатора и соучастника функционирования современных коммуникативных концепций и интеракций [7]. Социальный интеллект дает возможность регулярно стремиться к совершенству, стремительно приспосабливаться

к меняющимся обстоятельствам и условиям, основательнее подходить к пониманию партнера по общению, прогнозируя его и собственное поведение. Социальный интеллект формирует благоприятные предпосылки с целью самораскрытия, самореализации и самоактуализации личности молодого человека. Наблюдаемые перемены требуют от современного молодого человека развития и актуализации, определенных временем компетенций и навыков, которые позволяют ему результативно разрешать актуально значимые вопросы в различных областях. Бесспорно, социальный интеллект, являющийся одним из основных факторов, определяющих высокие достижения личности и эффективную самореализацию в наиболее значимых областях человеческой жизнедеятельности [8]. В работе С. R. Seal и др. доказано, что повышение компетенций в области социального интеллекта в процессе обучения может помочь в жизненных ситуациях личностному развитию [12]. Похожее исследование лежит в основе труда D. Wawra [14], в котором демонстрируется важность обучения социальным компетенциям и навыкам в процессе обучения. В работах говорится о том, что социальный интеллект относится к когнитивной составляющей коммуникативных способностей личности молодого человека и выступает как набор важных индивидуально-личностных качеств человека [2; 13]. Так, проведенное R. Thakur et all исследование подростков (N = 200, 13–19 лет) показало, что большинство респондентов мужского и женского пола с высоким социальным интеллектом проявляли такие личностные особенности, как толерантность, коллективизм и уверенность [13]. В то же время респонденты с низким уровнем социального интеллекта характеризовались сниженным признанием социальной среды, тактичностью и чувством юмора.

По мнению В. Н. Куницыной, социальный интеллект способен определять особенности развития личности и уровень успешности реализации личностного потенциала юноши в различных областях человеческой жизнедеятельности [4]. Исследователь считает, что социальный интеллект действует как катализатор для получения внешних знаний, которые могут оказывать динамическое влияние на развитие личностного потенциала и обучение инновациям. Личностный потенциал человека, с точки зрения Е. С. Саутиной, находящийся на высоком уровне [9], является важным условием развития саморегуляции, он позволяет преодолевать появляющиеся трудности в разных областях жизни и формировать свое жизненное пространство. Наличие высокого личностного потенциала способно гарантировать неоднократную мобилизацию интеллектуальной, творческой и других видов активности. Это способствует достижению продуктивности и результативности выполняемой работы.

Впервые введенный Э. Торндайком в виде термина «социальный интеллект» [15], характеризуемый как способность понимать и управлять людьми, способность поступать мудро в межличностном взаимоотношении, претерпевает изменения. Многие авторы вкладывают в понятие социального интеллекта свое видение данного феномена. Например, Г. Олпорт считает социальный интеллект социальным даром, который способствует эффективному общению, дает возможность приспособляться к меняющимся окружающим условиям [5]. В отечественной психологии понятие «социальный интеллект» было изучено многими исследователями. Например, В. Н. Куницына под социальным интеллектом понимает глобальную способность, которая развивается, основываясь на интеллектуальных, личностных, коммуникативных и поведенческих чертах [4]. А. Л. Южанинова определяет социальный интеллект как способность, выражающуюся в трех компонентах: социально-перцептивных способностях, социальном воображении и социальной технике общения [10].

Вышесказанное позволяет сказать о том, что социальный интеллект – это понимание поступков и действий людей, а также мимики и жестов. Он выступает как познавательная составляющая коммуникативных способностей личности и является важным профессиональным качеством в сфере «человек – человек». Таким образом, в юношеском возрасте происходит формирование способности к предвосхищению последствий собственных действий в первую очередь и прогнозированию окружающих его людей [3]. Одной из главных функций социального интеллекта является формирование продолжительных, стабильных взаимоотношений перспективного развития и положительного влияния, основанное на осознании уровня и характера взаимоотношений.

На сегодняшний день, несмотря на достаточное количество научных работ, посвященных проблеме социального интеллекта, это понятие не имеет однозначного определения. Зачастую он представляется как интегральная способность, определяющая успешность в выстраивании общения и социально-психологической адаптации, способность к прогнозированию как своего, так и чужого поведения в различных жизненных ситуациях и областях, умение распознавать намерения, чувства и эмоциональные состояния другого человека по внутренней и внешней экспрессии.

К критериям личностного потенциала молодежи можно отнести следующие показатели: самоорганизацию собственной деятельности, рефлексивность, жизнестойкость и удовлетворенность жизнью. В частности, в период юношества социальный интеллект наиболее ярко проявляется в структуре личностного потенциала молодого человека, который находится в новой жизненной ситуации. В этот возрастной период доминирующими становятся личностные отношения, с одной стороны, а с другой – им предстоит определяться самостоятельно в своих профессиональных приоритетах, выбирать жизненную траекторию, определить свои интересы и возможности.

Методы исследования. В качестве методов исследования использовались методики «Тест социального интеллекта» Дж. Гилфорда, «16-факторный личностный опросник» Р. Кеттелла, опросник «Шкала личностной тревожности» Спилбергера – Ханина, «Диагностика эмпатии» А. Меграбяна и Н. Эпштейна.

Методы математической обработки предполагали использование структурно-психологического анализа А. В. Карпова [2], включающего метод ранговой корреляции r -Спирмена. Метод довольно известен в науке и предполагает разделение исходной выборки испытуемых на три группы по уровню выраженности измеряемого свойства. В нашем случае критерием для распределения респондентов выступил уровень социального интеллекта. Затем в каждой группе предполагается расчет коэффициентов корреляции и выявление индексов когерентности, дивергентности и организованности структуры личностных особенностей. В качестве испытуемых выступили 150 студентов очной формы обучения 1–3 курсов факультета психологии ФГБОУ ВО «НГПУ». Возрастной показатель варьировался от 19 до 22 лет, из них 98 человек составили девушки, 52 человека – юноши.

Результаты исследования. В результате проведенного эмпирического исследования, в котором определялся уровень социального интеллекта молодежи, были получены следующие данные, представленные ниже в виде круговой диаграммы (рис. 1).

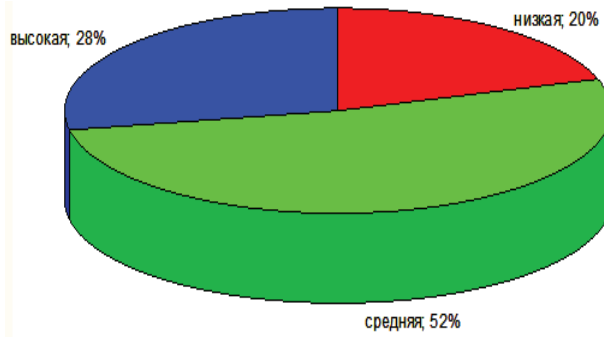

Рис. 1. Процентный показатель распределения респондентов по трем уровням социального интеллекта в выборке студентов

Опираясь на данные диаграммы, отметим, что у 20 % респондентов (30 человек) низкий уровень социального интеллекта, что говорит о неспособности понимания связи между поведением и его последствиями. Во взаимодействии с окружающими молодые люди в частности ориентируются на внешние проявления своего собеседника, могут ошибочно понять смысл слов оппонента, так как не учитывают невербальные проявления. Такие студенты могут ошибаться в определении значения слов собеседника и испытывают трудности в понимании ситуаций межкультурного общения. У 52 % респондентов (78 человек) средний уровень развития социального интеллекта, что свидетельствует об их способности ориентироваться в невербальных проявлениях собеседника, знании нормативных правил регулирования поведения людей. Таким молодым людям свойственно обращать внимание на мимику и жесты собеседника, они способны находить подходящий тон общения с разного рода собеседниками в различных ситуациях. Способны предсказывать реакции, намерения и поведение собеседника по общению. Лишь у 28 % респондентов (42 человека) высокий уровень социального интеллекта, что говорит об умении юношей выстраивать план своего поведения четко для достижения поставленной цели. Они могут предвидеть дальнейший ход действий своих собеседников, основываясь на анализе реальных ситуаций общения, предсказать события на основе понимания чувств, намерений, эмоций оппонента, точно оценивать состояния, намерения окружающих людей по невербальным повадкам, жестам, позам, мимике. Обладают высокой сензитивностью относительно характера человеческих взаимоотношений, что в свою очередь помогает им быстро понять, что люди адресуют друг другу в контексте определенной ситуации. Путем логических заключений могут достраивать недостающие элементы в этой связи, предсказывая поведение человека в будущем.

Результаты исследования показали, что при разном уровне выраженности социального интеллекта личностные особенности студентов претерпевают структурные трансформации. Кроме того, были обнаружены значимые связи показателей социального интеллекта с личностными характеристиками на каждом уровне. Значимые связи на низком уровне социального интеллекта представлены на рис. 2.

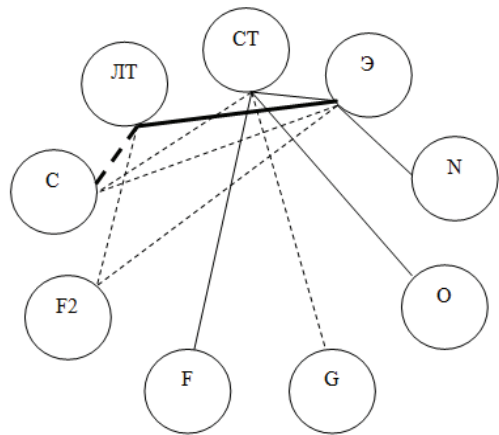

Рис. 2. Структурограмма взаимосвязи личностных особенностей студентов при низком уровне социального интеллекта

Условные обозначения:

- положительные корреляции ($p \leq 0,01$);
- - - - - отрицательная корреляция ($p \leq 0,01$);
- положительная корреляция ($p \leq 0,05$);
- - - - - отрицательная корреляция ($p \leq 0,05$);

ЛТ – личностная тревожность; СТ – ситуативная тревожность; Э – эмпатия;
С – эмоциональная стабильность; F2 – экстраверсия; F – сдержанность; G – высокая нормативность поведения; O – спокойствие; N – дипломатичность

Полученные данные демонстрируют, что личностная тревожность находится во взаимосвязи с такими характеристиками, как эмоциональная стабильность, явная экстраверсия и способность к эмпатии. Эмоциональная стабильность и личностная тревожность находятся в обратной пропорциональной зависимости. Это может проявляться в том, что личностная тревожность студентов возрастает, а эмоциональная стабильность личности проявляется в резком непредсказуемом реагировании на данную ситуацию. На этом же уровне, но в прямой зависимости от личностной тревожности находится эмпатия. То есть с ростом личностной тревожности уровень эмпатии также возрастает. Это может проявиться в более адекватном восприятии ситуации, тогда студенты менее ярко воспринимают замечания другого человека, относятся к нему более снисходительно. Опираясь на данные, отметим, что в прямой взаимосвязи с ситуативной тревожностью находится сдержанность личности, которая проявляется как ее рассудительность и осторожность. Эмпатия личности в этой взаимосвязи выступает как переживание собственных эмоциональных состояний по поводу чувств другого человека. В обратной зависимости ситуативная тревожность находится с эмоциональной стабильностью, когда ситуативная тревожность личности возрастает в реакции на ту или иную ситуацию. Эмоциональная стабильность личности проявляется как яркое реагирование на ту же ситуацию.

По результатам, представленным выше, в прямой зависимости от эмпатии находится дипломатичность. При наличии на высоком уровне способностей к эмпатии дипломатичность личности выражается в умении вести себя в обществе и находить общий язык с разными типами собеседников. В обратной взаимосвязи с эмоциональной стабильностью и экстраверсией находится эмпатия. При возрастающей

способности к проявлению эмпатии личность может проявлять и интровертированные способности, то есть личность с легкостью понимает настроение других или может ему посочувствовать, но при этом не так общителен и открыт для других.

Обнаруженные значимые связи на среднем уровне социального интеллекта демонстрируют, что личностная тревожность в прямой зависимости находится с эмпатией и спокойствием. Это говорит о том, что при возрастании личностной тревожности человека относительно той или иной ситуации он проявляет уверенность в своих силах и хладнокровность к данной ситуации, так же как и проявлению ответной реакции на данную ситуацию. Кроме того, обнаружена обратная зависимость при среднем уровне социального интеллекта между личностной тревожностью и смелостью, экстраверсией, высоким самоконтролем и эмоциональной стабильностью. Полученные результаты демонстрируют следующую закономерность: при выраженной личностной тревожности студентов эмоциональная стабильность личности может заметно уменьшиться и проявиться в неожиданном реагировании на ситуацию или изменении настроения. При высоком самоконтроле личность обладает развитым чувством воли, целеустремленна, завершает начатые дела, контролирует не только свое поведение, но и окружающих. Такая ситуация возникает при низком уровне личностной тревожности, когда студенты со средним уровнем интеллекта адекватно воспринимают оценку или реакцию на свое поведение или действие со стороны окружающих. При возрастающей ситуативной тревожности студенты проявляют свое беспокойство, напряженность и озабоченность ситуацией. Вместе с тем растет и способность к эмпатии, то есть проявление сопереживания и сочувствия к другому человеку, он так же, как и другой человек, переживает с ним эту ситуацию. Проявляя при этом спокойствие, которое выражается в сохранении самообладания и беззаботности. С увеличением уровня способности к эмпатии возрастает не столько спокойствие личности, сколько беззаботность и самонадеянность. Студенты со средним уровнем интеллекта уверены в своих силах, энергичны и активны, но при этом сдержаны в проявлении эмоций, тем самым проявляя большой интерес к другому человеку и готовность ему помочь. В обратной зависимости с эмпатией находится эмоциональная стабильность, то есть при меньшей способности к эмпатии такие студенты испытывают меньшую нагрузку в эмоциональной сфере, тем самым эмоциональная стабильность проявляется в спокойствии, выдержке и невозмутимости.

Студенты с высоким уровнем социального интеллекта проявляют спокойствие и стабильность в эмоциональной сфере, обладают рациональным и объективным взглядом на вещи, в то время как личностная тревожность близка к минимуму. В этой ситуации они проявляют высокий самоконтроль, что выражается в целеустремленности личности и завершении начатых дел. Низкий уровень личностной тревожности позволяет студентам с высоким уровнем интеллекта добиваться своих целей. При росте ситуативной тревожности они могут непредсказуемо и ярко ответить на ситуацию, но вместе с тем не потерять дипломатичность в поведении, что проявляется в знании правил поведения, проницательности в общении. В противоположной ситуации, когда ситуативная тревожность высока, такие студенты могут потерять самообладание, отказаться от социальных контактов. Но если ситуативная тревожность близка к нулю, студенты эмоционально стабильны в проявлении своих переживаний и чувств по отношению к собеседнику.

С ростом эмпатийных способностей у студентов с высоким уровнем интеллекта возрастает и проявление дипломатичности, то есть человек знает как вести себя

в обществе и находить общий язык с разным типом собеседников. Но при обратной зависимости эмпатии с такой характеристикой, как смелость, личность может проявлять высокий уровень эмпатии, легко понимать настроение людей, готова помочь в любой ситуации, но при этом осторожна, осмотрительна в отношении окружающих и вместе с тем может испытать стресс при взаимодействии с незнакомыми людьми.

Таким образом, основными личностными характеристиками студентов с высоким уровнем интеллекта являются эмоциональная стабильность, проявляющаяся в выдержке и невозмутимости, устойчивости к интересам, рациональном и объективном взгляде на вещи; высокий самоконтроль, то есть развитая воля, целеустремленность и завершение начатых дел (такая личность контролирует не только себя, свое поведение, но и окружающих, потому что, как правило, она достаточно властная); экстраверсия проявляется в легком установлении контактов с окружающими, такие субъекты любят заводить новые знакомства, общительны; дипломатичность выражается в знании правил поведения в обществе и нахождении общего языка с разными типами собеседников, такие субъекты обычно проницательны в общении, умеют анализировать ситуацию и контролировать действия группы; экспрессивность эксплицируется в выражении своих чувств и эмоций, такие субъекты экспрессивны, энергичны, жизнерадостны, проявляют решительность, активность в достижении целей, идут на риск, принимают неординарные решения

Анализ значимых корреляций личностных характеристик студентов с высоким, средним и низким уровнями социального интеллекта позволил выделить общее и частное. Общим для всех групп является отрицательная взаимосвязь личностной и ситуативной тревожности с такой личностной характеристикой студентов, как эмоциональная стабильность. Эта характеристика выражается в проявлении выдержанности, эмоциональной устойчивости, трезвом взгляде на вещи и ситуации, способности управлять данной ситуацией. Поскольку эта взаимосвязь является отрицательной, то можем говорить, что при способности студента к эмоционально-стабильному состоянию его личностная тревога, выражающаяся в склонности воспринимать большой круг ситуаций как угрожающий, и ситуативная тревожность, проявляющаяся напряженным состоянием и беспокойством, не эксплицируются в высокой степени. То есть при высокой эмоциональной стабильности личности данное проявление тревожности уменьшается в своей мере. Это говорит о том, что студент, реально оценивая ситуацию, внутренне остается спокойным, не проявляя никакой тревоги или беспокойства по отношению к ситуации или ее последствиям.

Общим для групп со средним и высоким уровнями социального интеллекта является отрицательная взаимосвязь проявления ситуативной тревожности и таких личностных характеристик, как общительность и высокий самоконтроль. Эта связь может говорить о том, что при обладании студентом высоким самоконтролем, который проявляется в умении контролировать свои эмоции и поведение, уровень ситуативной тревожности снижается и студент не проявляет большего беспокойства и напряжения в той или иной ситуации.

Для групп с низким и средним уровнями социального интеллекта общей является положительная взаимосвязь ситуативной тревожности и проявлением спокойствия, что может указывать на уверенность в себе. Это может говорить нам о том, что при повышении у студента ситуативной тревожности, нервозности, беспокойства усиливаются такие личностные качества, как хладнокровие и уверенность в данной ситуации. Испытывая тревожность при выполнении какого-либо

задания или действия, студент испытывает некоторую тревогу за происходящую ситуацию, но не за собственные действия, он уверен в своих силах.

Далее общим для групп студентов с низким и высоким уровнями социального интеллекта является положительная взаимосвязь способности к эмпатии и дипломатичности личности. Эта взаимосвязь характеризуется следующими особенностями: при способности к эмпатии, что проявляется в умении слышать и слушать окружающих, способности к сопереживанию и сочувствию к самому человеку или его ситуации, студент более склонен проявлять дипломатичность в общении.

Частной и отличительной чертой при среднем уровне социального интеллекта с личностной характеристикой является положительная взаимосвязь между способностью к эмпатии и проявлением сдержанности личности. Эта связь может свидетельствовать о том, что при способности к эмпатии у студента, то есть способности к переживанию и сочувствию, он проявляет благоразумие и осторожность в своих словах и действиях, чтобы не затронуть чувство своего оппонента.

Частной и отличительной взаимосвязью при низком уровне социального интеллекта студентов выступает отрицательная связь между высокой нормативностью поведения и ситуативной тревожностью. Эта характеристика говорит о том, что у студента развиты следующие качества: добросовестность, ответственность, проявление настойчивости, разумность, а также развито чувство долга и ответственности, что повышается при низком уровне проявления ситуативной тревожности студента.

Далее в группе со средним уровнем социального интеллекта отличительной чертой является отрицательная взаимосвязь между проявлением смелости и личностной тревожностью. При увеличении личностной тревожности в какой-либо ситуации смелость в поведении студента уменьшается за счет возрастающей тревоги.

Частной и отличительной взаимосвязью при высоком уровне социального интеллекта является положительная связь способности к дипломатичности и ситуативной тревожности. Чем сильнее проявляется ситуативная тревожность студента, то есть боязнь и беспокойство за ситуацию, ее последствия, тем сильнее проявляется способность к дипломатичности, что позволит юноше проявить проницательность и осторожность при взаимодействии с окружающими и тем самым избежать такой ситуации, где он проявлял бы меньшую боязливость.

Таким образом, в рамках структурно-психологического анализа были установлены общие и частные закономерности структурной организации личностных особенностей студентов с различным уровнем социального интеллекта.

Изучение индексов структурной организации в группе студентов с низким, средним и высоким уровнями социального интеллекта демонстрирует, что значение индексов изменяется в зависимости от уровня социального интеллекта (табл.).

Таблица

Индексы структурной организации студентов с высоким, средним и низким уровнями социального интеллекта

Индексы структурной организации	Уровень социального интеллекта		
	низкий	средний	высокий
ИКС	11	17	7
ИДС	16	24	16
ИОС	-5	-7	-9

Индекс когерентности обнаруживает наиболее высокие значения в группе студентов при среднем уровне социального интеллекта и резко снижается в группе студентов с высоким уровнем. При среднем уровне социального интеллекта студентов высоко представлен индекс дивергентности (рис. 3), что свидетельствует о следующем: в группе студентов со средним уровнем социального интеллекта преобладает дивергентная функция, которая приобретает вполне самостоятельное значение. Полученные результаты отражают ряд закономерностей.

Во-первых, при переходе от группы студентов с низким уровнем социального интеллекта к среднему и высокому уровням индекс когерентности значительно понижается (ИКС = 7).

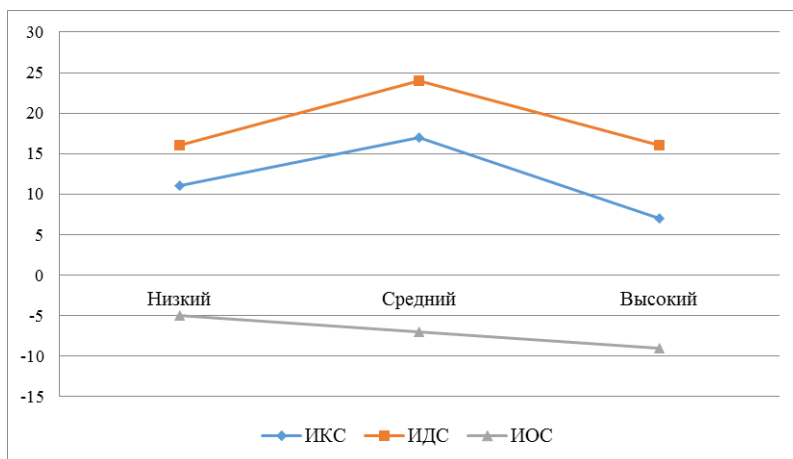

Рис. 3. Изменение уровневой структуры социального интеллекта студентов

Во-вторых, при переходе от студентов с низким уровнем социального интеллекта к среднему индекс дивергентности значительно повышается (ИДС = 24), а при переходе к высокому уровню социального интеллекта студентов индекс дивергентности понижается до уровня студентов с низким уровнем социального интеллекта (ИДС = 16).

В-третьих, суперпозиция динамики двух этих индексов обуславливает еще более выраженную динамику обобщенного структурного индекса — индекса организованности структуры интеллектуальных параметров, который определяется как разница величин индекса интегрированности (ИКС) и индекса дифференцированности (ИДС).

В результате этого оказывается, что максимальная структурированность, организованность основных личностных особенностей студентов имеет место не на минимальных (что понятно), но и не на максимальных (что уже менее объяснимо) уровнях социального интеллекта, а на некоторых промежуточных, «средних» значениях. Этот результат уже менее ожидаем и объясним с точки зрения априорных предположений о сути механизмов социального интеллекта. Именно «средний», то есть оптимальный уровень социального интеллекта может тем самым рассматриваться как наиболее действенный для раскрытия совокупности личностных особенностей студентов по отношению к основным параметрам социального интеллекта.

Можно утверждать, что между уровнем социального интеллекта и степенью организации личностных особенностей студентов имеет место зависимость «типа

оптимума» (а не максимума). В этой связи нельзя, конечно, не подчеркнуть, что та же зависимость была обнаружена А. В. Карповым [2] в ряде психологических исследований. По всей вероятности, существует прямая и сильная детерминационная связь одного, причем очень важного для студента, индивидуального качества, и личностных особенностей именно со структурой (то есть с собственной) организацией другого, столь же значимого и определяющего социально-психологического качества – социального интеллекта студента. Причем наиболее показательно то, что сам характер – содержание и смысл – этой связи настолько естественен, что появляются достаточные основания для заключения, согласно которому именно личностные особенности студента выступают одним из средств, а не исключено – и механизмом проявления социального интеллекта социальной одаренности (социального интеллекта).

Выводы. Основными личностными характеристиками студентов можно считать эмоциональную стабильность, проявляющуюся в выдержке и невозмутимости к ситуации, рациональном взгляде на окружающее; высокий самоконтроль, проявляющийся в целенаправленности личности студента, завершение начатых дел, контроль своего поведения в обществе; умение вести себя в обществе, проявление в общении с окружающими дипломатичности, умение найти выход из любой ситуации. Для молодых людей характерно проявление ответственности, добросовестности и стабильности, они способны к саморегуляции своего поведения и отношения к окружающим.

Анализ значимых корреляций личностных характеристик студентов с разным уровнем социального интеллекта позволил выделить общие и частные взаимосвязи. Общим для всех групп является взаимосвязь социального интеллекта с такими личностными качествами, как эмоциональная стабильность, проявляющаяся в выдержанности, эмоциональной устойчивости; общительность и высокий самоконтроль, выраженные в умении контролировать свое поведение и эмоции; проявление спокойствия, что может говорить об уверенности в себе и своих поступках, не обращая внимания на мнение окружающих; дипломатичность личности студента, которая проявляется в умении вести себя в обществе, контролировать свои эмоции, и проявление расчетливости.

Отличительной чертой студентов с низким уровнем социального интеллекта является высокая нормативность поведения. Несмотря на то что студенты имеют низкий уровень социального интеллекта, это не мешает им проявлять уравновешенность, настойчивость и иметь развитое чувство долга и ответственности. Частной чертой группы студентов со средним уровнем социального интеллекта является конфликтное сочетание сдержанности и смелости, выражающееся в благоразумии и осторожности в своих высказываниях по отношению к другому; способности прибегнуть к риску, знакомству с новыми людьми в новой для него обстановке. Для группы студентов с высоким уровнем социального интеллекта отличительным критерием является дипломатичность личности, которая выражается в умении вести в обществе, проявлять выдержанность в проявлении своих эмоций и проницательность.

Исследование индексов структурной организации в группе студентов с разным уровнем социального интеллекта показало, что максимальная структурированность личностных особенностей студентов имеет место на средних или оптимальных уровнях социального интеллекта. Средний уровень социального интеллекта может рассматриваться как наиболее действенный для раскрытия личностных особенностей студентов по отношению к основным параметрам социального интеллекта.

Список литературы

1. Андронникова О. О., Перевозкина Ю. М., Дмитриева Н. В., Щукина Н. А. Структура адаптационного потенциала одаренных подростков // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 4 (72). С. 117–124.
2. Карпов А. В. Метасистемная организация индивидуальных качеств личности: монография. Ярославль: ЯрГУ, 2018. 744 с.
3. Князева Н. Н. Сравнительная оценка социального интеллекта у студентов и школьников // Наука образования. 2004. Вып. 22. С. 247–252.
4. Куницына В. Н. Социальная компетентность и социальный интеллект: структура, функции, взаимоотношения // Теоретические и прикладные вопросы психологии. СПб. 1995. Вып. 1, ч. 1. С. 48–61.
5. Олпорт Г. Личность в психологии. М.: Ювента, 1998. 345 с.
6. Перевозкина Ю. М. Социализация и социальные роли современной молодежи. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2018. 184 с.
7. Перевозкина Ю. М., Перевозкин С. Б., Паньшина Л. В. Структура интегральной индивидуальности управленческих способностей студентов, обучающихся по направлению «Менеджмент» // Сибирский педагогический журнал. 2017. № 6. С. 124–131.
8. Савенков А. И. Социальный интеллект как проблема психологии одаренности и творчества // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2005. № 4 (2). С. 94–101.
9. Саутина Е. С. Научное становление понятия «социальный интеллект» // Территория науки. 2007. № 1. С. 142–146.
10. Южанинова А. Н. К проблеме диагностики социального интеллекта личности // Проблемы оценивания в психологии. Саратов, 1984. С. 63–67.
11. Hall C. S., Lindzey G. Theories of personality. N. Y.: Wiley, 1970. 622 p.
12. Seal C. R., Boyatzis R. E., Bailey J. R. Fostering Emotional and Social Intelligence in Organizations // Organization Management Journal. 2006. Vol. 3, issue 3. P. 190–209.
13. Thakur R., Sharma S., Pathania R. Social Intelligence of Adolescents: A Study of Himachal Pradesh // Studies on Home and Community Science, 2013. Vol. 7, issue 3. P. 161–166.
14. Wawra D. Social Intelligence, European // Journal of English Studies. 2009. Vol. 13, issue 2. P. 163–177.
15. Thorndike E. L. Human nature and the social order. N. Y.: Teachers College Press, 1940. 158 p.

Ярышева Алиса Аркадьевна

кандидат психологических наук, доцент кафедры практической и специальной психологии факультета психологии, Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Россия, ya.alisse@gmail.com

Кожемякина Ольга Александровна

кандидат педагогических наук, доцент кафедры практической и специальной психологии факультета психологии, Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Россия, olgaleko@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ГЕНДЕРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ У ПОДРОСТКОВ, ВОСПИТЫВАЮЩИХСЯ В УСЛОВИЯХ ДЕПРИВАЦИИ

Аннотация. В статье анализируются различные аспекты формирования гендерной идентичности у подростков, воспитывающихся в условиях депривации; подходы различных авторов к проблеме понимания гендерной идентичности. Гендерная идентичность рассматривается как сложное структурное образование, включающее в себя принятие принадлежности к определенному полу, представления о поведении мужчин и женщин, сексуальной ориентации. Представлены результаты эмпирического исследования особенностей формирования гендерной идентичности у депривированных подростков. В качестве испытуемых выступили подростки средней общеобразовательной школы г. Новосибирска, живущие в семье, и воспитанники Центра социальной реабилитации. Для изучения уровня сформированности гендерной идентичности были использованы следующие методики: опросник М. Куна и Т. Макпартленда «Кто Я?» в модификации Т. В. Румянцевой и полуструктурированное интервью Дж. Марсиа в модификации В. Р. Орестовой и О. А. Карабановой. Выделены следующие особенности: простая структура гендерной идентичности, ориентация на настоящее и отсутствие перспективы, преобладание статуса диффузии идентичности. Сделано заключение о важности разработки и внедрения психолого-педагогических программ, способствующих формированию идентичности и адаптации к взрослой жизни депривированных подростков.

Ключевые слова: идентичность, гендерная идентичность, статусы идентичности, диффузия идентичности, мораторий, сексуальная ориентация, депривация, подростки.

Yarysheva Alisa Arkadievna

Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor of the Department of Practical and Special Psychology of Faculty of Psychology, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia, ya.alisse@gmail.com

Kozhemyakina Olga Aleksandrovna

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of Practical and Special Psychology of Faculty of Psychology, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia, olgaleko@mail.ru

PROPERTIES OF GENDER IDENTITY FORMING OF TEENAGERS, WHICH ARE EDUCATING IN DEPRIVATION CONDITIONS

Abstract. Varied aspects in gender identity forming of teenagers, which are educating in deprivation conditions, are analyzed. Approaches of various authors to problem of

gender identity interpretation are discussed. Gender identity is considered as a complex structural formation which includes: acceptance of belonging to definite sex, ideas on men and women behavior, sexual orientation. Empirical investigation's results of gender identity formation of deprived teenagers are presented. Teenagers of the secondary comprehensive school of Novosibirsk, living in the family, and students of the Center for Social Rehabilitation were being tested. The following methods were used to studying formation level: the twenty statements test by M. Kuhn and T. McPartland (modification by T. V. Rumyantseva), the identity status interview by J. Marcia (modification by V. R. Orestova and O. A. Karabanova). Following characteristics were distinguished: simple structure of gender identity, focusing on the present and lack of prospects, predominance of state of identity diffusion. Conclusion is made about importance of developing and implementation of psychological-pedagogical programs, which assist to identity formation and adaptation to adult life of deprived teenagers.

Keywords: identity, gender identity, identity status, identity diffusion, moratorium, sexual orientation, deprivation, teenagers.

Термин «депривация» появился в русскоязычном научном пространстве не так давно и переводится как «лишение». Психическая депривация рассматривается как лишение, отделение человека от необходимых психологических потребностей. Подростки, воспитывающиеся в условиях закрытых детских учреждений, испытывают на себе воздействие различных депривационных факторов: это и стимульная депривация, когда ребенок, подросток не получает достаточного количества сенсорных стимулов; когнитивная депривация, выражающаяся в том, что у подростка не формируется четкая, упорядоченная модель окружающего мира, что приводит к отсутствию возможности создавать адекватную, структурированную модель человеческих отношений; эмоциональная депривация, которая возникает при отсутствии стабильных отношений с близким взрослым, что приводит к отсутствию ощущения чувства эмоциональной безопасности у подростков; депривация идентичности (социальная депривация), которая возникает в случаях, если нет достаточных возможностей для усвоения необходимых для дальнейшей жизни социальных ролей. Все эти факторы являются препятствием на пути формирования идентичности, а личностная и социальная идентичность являются одними из основных психических новообразований подросткового и юношеского возрастов.

Идентичность в период формирования включает в себя следующие выборы: мировоззрение (делается выбор в сфере религиозных, политических взглядов, неформальных отношений), профессиональное самоопределение, принятие определенной гендерной и социальной роли [9]. Гендерная идентичность является одним из структурных элементов социальной и эго-идентичности и отображает осознание человеком себя как представителя определенного пола. Гендерная идентификация включает признание своей идентичности со своим полом в физическом, социальном и психологическом плане. Существуют разные подходы к пониманию гендерной идентичности и использованию близкого понятия «половая идентичность».

В. С. Мухина утверждает, что половая (гендерная) идентичность – это единство самосознания, мотивов поведения, поступков в обыденной жизни человека, причисляющего себя к определенному полу [7]. По мнению И. С. Клециной, гендерная идентичность имеет сложную структуру и состоит из следующих компонентов: когнитивный компонент заключается в том, что человек осознает свою принадлежность к определенному полу и принимает это. Он описывает себя с помощью характеристик мужественности или женственности. Аффективный компонент связан

с эмоциональным отношением к собственным характеристикам мужественности или женственности. Поведенческий компонент связан с поведением человека, соответствующим модели поведения представителя определенной гендерной группы [3].

И. С. Кон в своей монографии «Введение в сексологию», анализируя понятия «половая роль» и «половая идентичность», делает вывод, что они взаимосвязаны и предполагают друг друга. Половая роль – это модель поведения, система предписаний, которую должен усвоить человек и которой должен следовать, чтобы его считали мужчиной или женщиной в обществе. Это публичное выражение половой идентичности, а половая идентичность – это самосознание индивида, который причисляет себя к определенному полу. Роль и идентичность не тождественны и имеют свои точки отсчета. Роль связана с системой нормативных предписаний культуры, а идентичность – с системой личности [5].

Е. П. Ильин в работе «Пол и гендер», опираясь на работы Е. Дувана (Duvan, 1979), С. Бем (Bem, 1981), В. Г. Кагана (1987), И. С. Кона (1988), Л. В. Ильченко (1995), М. В. Колесниковой (1999), И. А. Тупицыной (2004), анализирует понятия половой и гендерной идентичности. Автор придерживается идеи, что половая идентичность является частью гендерной. Половая идентичность определяется как понимание и принятие принадлежности к определенному полу. Гендерная идентичность – это сложное структурное образование, включающее в себя базовую половую идентичность; психологические характеристики женственности и мужественности; представления о поведении мужчин и женщин; сексуальная ориентация; особенности воспитания, связанные с освоением гендерных ролей. Половая идентичность является составляющим, но не определяющим элементом гендерной идентичности [2].

Восприятие себя девочкой или мальчиком, будущим мужчиной или женщиной, мужем, женой, отцом, матерью и, наконец, пожилым человеком определенного пола происходит через идентификацию с близким окружением. Семья выступает транслятором различных гендерных ролевых моделей, предоставляя некоторый спектр достаточно четко оформленных образцов поведения мужчины или женщины для того, чтобы подросток, воспитывающийся в этой семье, мог выбрать наиболее подходящие. В детстве ребенок ориентируется в основном на взгляды, ценности, образ жизни своих родителей [11]. Когда ребенок становится взрослее, то его значимое окружение расширяется. Подросток начинает ориентироваться на взгляды, ценностные ориентации, модели поведения других людей, в первую очередь, сверстников, учителей или других окружающих подростка, ставших значимыми. Подросток должен собрать воедино все идентификации и на этой основе выработать свою собственную идентичность. Этот процесс может протекать по-разному: подросток может принять уже существующие, предложенные ему семьей, значимыми людьми или обществом идентификации, или экспериментировать, а потом сделать выбор между имеющимися альтернативами.

Воспитание в условиях депривации является замедляющим фактором для развития многих идентификаций. Ю. В. Василькова утверждает, что формирование гендерной идентичности у подростков, воспитывающихся в условиях депривации в закрытых детских учреждениях, затруднено в силу следующих причин: 1) отсутствуют модели поведения отца и матери, являющиеся основой формирования гендерной идентичности. Образцами формирования гендерных моделей поведения являются работники детских домов – в основном женщины и сверстники, что формирует неадекватные стереотипы женского поведения и затрудняет развитие стереотипа мужского поведения; 2) отсутствует эмоциональная близость с сотрудниками

детских домов [1]. Трудности в формировании гендерной идентичности приводят к проблемам социализации, адаптации во взрослой жизни, создания собственной семьи, выполнения родительских функций в будущем.

О. Г. Нугаева провела исследование особенностей половой идентичности подростков с интеллектуальным недоразвитием и пришла к выводу о том, что для подростков, имеющих интеллектуальные нарушения, характерны слабая фиксация половой принадлежности и недостаточная дифференцированность половой идентичности, которая выражается в неразличении общих и специфических, характерных для пола внешних данных; трудностях соотнесения своих личностных, физических особенностей и поведения с личностными и физическими особенностями лиц одного с ними пола [8]. Подобные особенности можно обнаружить и у воспитанников детских домов, причиной тому является воспитание в условиях ограниченного социального опыта и наличие диагнозов у большинства воспитанников, таких как задержка психического развития и легкие интеллектуальные нарушения [12].

Практическое исследование проводилось на базе МБОУ СОШ № 105 г. Новосибирска, ГБУ НСО «Центр помощи детям, оставшимся без попечения родителей “Рассвет”», ГБУСО НСО «Социально-реабилитационный центр для несовершеннолетних “Снегири”». Выборку составили 24 подростка в возрасте 14–16 лет. Также были обследованы 24 подростка – ученика школы № 105 в возрасте 14–15 лет, живущие в семьях.

Для выявления особенностей формирования гендерной идентичности у подростков нами были использованы опросник М. Куна, Т. Макпартленда «Кто я?» в модификации Т. В. Румянцевой [10] и полуструктурированное интервью (*Identity Status Interview – ISI*) Дж. Марсиа в модификации В. Р. Орестовой, О. А. Карабановой [9].

Опросник «Кто Я?» позволяет через систему самоописаний проанализировать содержательные характеристики идентичности, ее структуру. При помощи опросника «Кто Я?» мы смогли выявить различия в структуре гендерных идентификационных характеристик у подростков, воспитывающихся в семьях, и подростков, воспитывающихся в условиях детского дома. Показатели гендерной идентичности можно выделить через обозначение пола в самоописаниях. Обозначения пола могут быть прямыми или косвенными. К прямым обозначениям относятся самоописания, выраженные в конкретных словах (я – девочка, девушка, парень т. д.). К косвенным характеристикам пола относятся самоописания различных социальных ролей или характеристики, выраженные в мужском или женском роде [10].

При сравнительном анализе компонентов гендерных характеристик в самоописании мы выявили, что гендерные самоописания у подростков, воспитывающихся в семьях, отличаются разнообразием. В самоописаниях присутствуют прямые и косвенные обозначения пола (средний показатель – 9,2). Подростки уделяют много внимания описанию своей внешности, оценивают себя в основном положительно (я – красивая, стройная, я – симпатичный парень и т. д.). Средний показатель прямых и косвенных характеристик пола у подростков, воспитывающихся в условиях депривации, – 5,1 (что говорит о запаздывании в формировании гендерных характеристик идентичности). Результаты исследования представлены на рисунке.

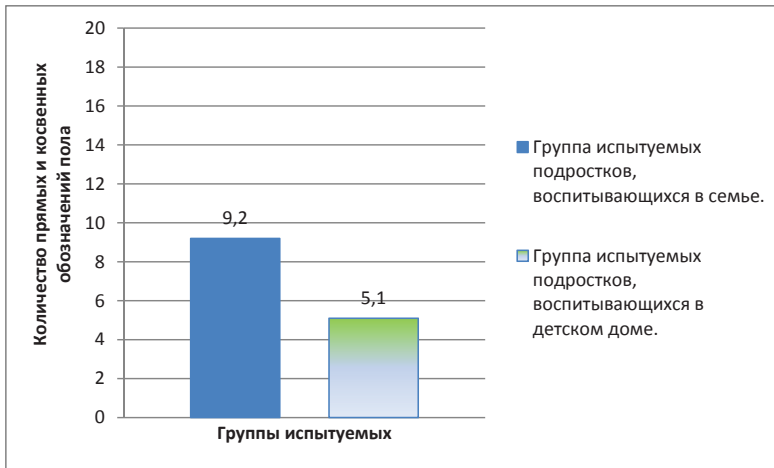

Рис. Гистограмма среднегрупповых значений количества прямых и косвенных обозначений пола в самоописаниях по методике М. Куна и Т. Макпартленда «Кто Я?»

Описания внешности у подростков, воспитывающихся в условиях депривации отсутствуют, либо присутствуют в негативном или нейтральном ключе (обычный парень; не тот, кто нравится девочкам; некрасивая). У них присутствуют в основном косвенные обозначения пола. В категории перспективного «Я» нам было интересно, какими подростки себя видят в будущем, как они описывают свои гендерные роли. Подростки, воспитывающиеся в семьях, достаточно много внимания в самоописаниях уделяют перспективному «Я»: пишут о будущей семье, детях (хочу иметь дочку и сына), о себе с точки зрения выполнения гендерной роли (хочу быть самой красивой невестой, буду хорошей женой и мамой, заботливым папой, хочу иметь красивую жену и детей). Перспективное «Я» в ответах подростков из детских домов отсутствует вообще. Они не описывают себя ни в будущем, ни в прошлом в отличие от подростков, воспитывающихся в семье. Мы считаем, что это связано с депривационным синдромом, так как изоляция подростка от семьи, часто полное отсутствие общения с родственниками ведет к размытым представлениям о своем прошлом и будущем. По мнению Й. Лангмейера и З. Матейчика, отсутствие описания будущего связано с отсутствием четких представлений о прошлом [6]. Подростки из детских домов не знают, что с ними было раньше, какими они были маленькими. Подростки, воспитывающиеся в семьях, имеют гораздо больше информации о себе по рассказам родственников, по фотографиям, видео и т. д. [4].

Полуструктурированное интервью мы использовали для выявления статуса гендерной идентичности у подростков, воспитывающихся в детском доме и семье. Эта методика охватывает наиболее важные сферы самоопределения подростка, касающиеся выбора профессии, политических взглядов, религии, семьи, половой идентификации. Существует два критерия оценивания: наличие кризиса или его отсутствие (периода поиска) и наличие выбора или его отсутствие (уже принятое решение). В результате можно выделить следующие статусы идентичности: достигнутая идентичность (выбор есть, поиска есть); мораторий (выбора нет, поиск есть); предрешение (выбор есть, поиска нет); диффузная идентичность (выбора нет, поиска нет) [9].

В соответствии с целью нашего исследования мы выделили следующие аспекты самоопределения подростков: любовь, семья, половая идентификация. Результаты исследования представлены в табл. 1.

Таблица 1

Распределение статусов идентичности в сферах самоопределения у подростков, воспитывающихся в детском доме (%)

Сфера самоопределения	Диффузия идентичности	Мораторий	Предрешение	Достигнутая идентичность
Профессия	9,23	4,01	1,85	2,1
Религия	13,0	3,0	1,58	1,1
Политика	13,2	1,25	0,63	0,42
Любовь	9,82	3,8	1,65	2,0
Дружба	2,96	3,15	2,69	1,63
Семья	4,43	3	0,85	1,4
Половая идентификация	4,6	1,8	1,54	1,5

Результаты получились следующие: у подростков, воспитывающихся в детских домах, преобладает диффузия идентичности в выбранных нами сферах. О семье и любви эти подростки не задумываются, о ролевом поведении мужчины или женщины у них очень смутные представления. Мы посчитали положительным моментом следующее: у многих подростков из детского дома присутствует мораторий в выбранных нами аспектах, что говорит о состоянии выбора и поиска в этих сферах. Результаты исследования представлены в табл. 2.

Таблица 2

Распределение статусов идентичности в сферах самоопределения у подростков, воспитывающихся в семье (%)

Сфера самоопределения	Диффузия идентичности	Мораторий	Предрешение	Достигнутая идентичность
Профессия	2,25	4,9	8,45	2,7
Религия	4,1	1,85	8,6	0,86
Политика	4,2	2,3	7,32	4,52
Любовь	1,96	4,65	5,1	1,75
Дружба	0,68	2,11	3,45	0,5
Семья	3,02	3,54	6,22	1,67
Половая идентификация	1,25	3,25	6,34	2,46

У подростков, воспитывающихся в семье, на первом месте оказался статус предрешенной идентичности, то есть ситуации поиска не было, выбор в выделенных нами сферах был сделан с максимальной ориентацией на близкое окружение. Несамостоятельность в принятии решений – это проблема большого количества современных детей и подростков. Мы надеемся, что предрешение – это ситуативный показатель, связанный с возрастом. Выбор у этой группы подростков начнется немного позже, и они примут самостоятельное решение в наиболее важных сферах жизни. На втором месте мораторий, то есть испытуемые пытаются принять решение в выбранных нами аспектах, выбирают между разными альтернативами.

Таким образом, проведенное нами исследование позволяет сделать вывод о том, что формирование гендерной идентичности у подростков, воспитывающихся в условиях депривации, имеет свои особенности: простая структура гендерной идентичности, которая проявляется в скудности компонентов гендерных характеристик в самоописании; ориентация на настоящее и отсутствие перспективы, что говорит о размытости представлений о своем будущем и прошлом и несформированности временного аспекта гендерной идентичности; преобладание статуса диффузии идентичности в наиболее важных сферах формирования гендерной идентичности, таких как семья, любовь, половая идентификация.

Все это говорит о необходимости разработки и внедрения психолого-педагогических программ, способствующих формированию идентичности и адаптации к взрослой жизни депривированных подростков.

Список литературы

1. *Василькова Ю. В.* Гендерная идентичность и ее коррекция у депривированных подростков в образовательном пространстве детского дома: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Иркутск, 2006. 20 с.
2. *Ильин Е. П.* Пол и гендер. СПб.: Питер, 2010. 688 с.
3. *Клецина И. С.* Психология гендерных отношений: теория и практика. СПб.: Алетейя, 2004. 408 с.
4. *Кожмякина О. А.* Эмоциональные нарушения депривированных подростков и их коррекция // Мир науки, культуры, образования. 2009. № 6. С. 256–259.
5. *Кон И. С.* Введение в сексологию. М.: Медицина, 1989. 336 с.
6. *Лангмейер Й., Матейчик З.* Психическая депривация в детском возрасте. Прага: Авиценум, 1984. 335 с.
7. *Мухина В. С.* Возрастная психология. М.: Академия, 1999. 456 с.
8. *Нугаева О. Г.* Особенности половой идентичности у подростков с интеллектуальной недостаточностью: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Н. Новгород, 2003. 24 с.
9. *Орестова В. Р., Карабанова О. А.* Методы исследования идентичности в концепции статусов идентичности Дж. Марсиа // Психология и школа. 2005. № 1. С. 39–90.
10. *Румянцева Т. В.* Психологическое консультирование: диагностика отношений в паре. СПб.: Речь, 2006. 176 с.
11. *Ярышева А. А.* Взаимосвязь несформированной идентичности и склонности к аддиктивному поведению старшеклассников. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2013. 131 с.
12. *Ярышева А. А., Ланина Е. М.* Формирование профессиональной идентичности у подростков с нарушением интеллекта // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 2-1 (62). С. 138–141.

ПРАКТИЧЕСКИЕ РАЗРАБОТКИ В ОБЛАСТИ ПСИХОЛОГИИ И СМЕЖНЫХ НАУК

УДК 159.9

Радзиховская Ольга Евгеньевна

*старший преподаватель кафедры специальной и практической психологии
факультета психологии, Новосибирский государственный
педагогический университет, Новосибирск, Россия, o.radzihovskaya@gmail.com*

ТЕХНОЛОГИИ РАБОТЫ С ПАНИЧЕСКИМИ АТАКАМИ

Аннотация. В статье анализируются основные подходы к пониманию феномена панической атаки с точки зрения психологии. Паническая атака рассматривается как особый вид тревожного состояния, сопровождающегося определенными симптомами. Рассмотрены виды панических атак в зависимости от причины их возникновения, описан процесс запуска вегетативных реакций организма во время приступа паники, а также предшествующие ему. Особое внимание уделено рассмотрению технологий работы с паническими атаками и процедур для профилактики их возникновения. Показаны формы работы психолога с клиентами, страдающими от подобного вида тревожного состояния. Рассмотрены различные направления работы психолога, такие как когнитивной-поведенческая терапия, краткосрочная психодинамическая терапия, парадоксальная интенция, релаксационные методы психотерапии, поддерживающая психотерапия. На основе изучения феномена панических атак и психологических технологий работы с ними установлено, что паническая атака относится к проблемам эмоционального спектра. Другими словами, это личное сверхэмоциональное отношение к каким-то локальным конкретным ситуациям, многие из которых могут не осознаваться человеком. Автор приходит к выводу, что паническим атакам может быть подвержен любой человек вне зависимости от статуса, национальности, пола и т. д. Вследствие чего чрезвычайно важным становится выработка оптимальных способов реагирования на подобного рода состояния, с чем лучше всего поможет справиться психотерапевт. В процессе коллективной работы с ним клиент станет способным самостоятельно вычленять причинно-следственные связи опасности, что поможет ему конструктивно реагировать на подобные стимулы и предотвращать возникновение непосредственно панической атаки.

Ключевые слова: паническая атака, тревожное состояние, невроз, паника, страх смерти, психологическое сопровождение.

Radzihovskaya Olga Evgenievna

*Senior lecturer, Department of Special and Practical Psychology of Faculty
of Psychology, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia,
o.radzihovskaya@gmail.com*

TECHNOLOGIES OF WORK WITH PANIC ATTACKS

Abstract. The article analyzes the main approaches to understanding the phenomenon of panic attack from the point of view of psychology. Panic attack is considered as a special type of anxiety, accompanied by certain symptoms. The types of panic attacks are considered, depending on the cause of their occurrence, and the process of triggering the body's vegetative reactions in the belt of a panic attack is described, as well as the

previous ones. Particular attention is paid to the consideration of technologies for working with panic attacks, as well as procedures for preventing their occurrence. The forms of psychologist's work with clients suffering from this type of anxiety are shown. Various areas of psychologist's work are considered, such as: cognitive-behavioral therapy, short-term psychodynamic therapy, paradoxical intention, relaxation methods of psychotherapy, supportive psychotherapy. There was established that a panic attack refers to the problems of the emotional spectrum, that based on the study of the phenomenon of panic attacks and psychological technologies of working with them. In other words, this is a personal superemotional attitude to some local specific situations, many of which may not be realized by a person. The author concludes that any person can be subjected to panic attacks, regardless of status, nationality, gender, etc. As a result, it becomes extremely important to develop optimal ways of responding to this kind of condition, it can be more effective in cope with therapist. In the process of collective work with him, the client will be able to independently isolate cause-effect relationships of danger, which will help him to respond constructively to such incentives and prevent the occurrence of a direct panic attack.

Keywords: panic attack, anxiety, neurosis, panic, fear of death, psychological support.

В настоящее время психологи и психотерапевты все чаще сталкиваются с клиентами, чьи запросы связаны с паническими атаками. Важно отметить, что паническая атака не является неврозом и не может выступать основной целью помощи психолога. По сути паническая атака является сверхэмоциональной реакцией на вегетативное напряжение, возникшее вследствие субъективно травмирующей ситуации. Клиент при этом верит, что переживаемое вегетативное напряжение (тахикардия, нехватка воздуха, тошнота, загрудинная боль и др.) может привести к смерти. Паническая атака в данном случае выступает как инстинкт самосохранения. Именно субъективно травмирующая ситуация должна находиться в фокусе внимания специалиста.

Таким образом, паническое расстройство основано на трех проблемах: первая фундаментальная проблема – это вера в то, что вегетативная активность может привести к смерти, или сумасшествию, или социальному позору; вторая – избегание столкновения с максимальнообразной тревогой; третья – это избегание мест, где у человека случилась паника.

Неврозам подвержен абсолютно любой человек. Есть мнение, что панические атаки чаще встречаются у творческих людей, чем у политиков или спортсменов. Но, как показывают исследования зарубежных и отечественных авторов А. А. Овчинникова, Н. Ю. Ракитской, Д. Кредитора, А. М. Вейна, это иллюзия (см.: [2]). Авторы отмечают, что между личностными особенностями, статусом или профессиональной направленностью и частотой возникновения панических атак взаимосвязи нет. Паническая атака может возникнуть у любого человека.

Когда человек впервые сталкивается с панической атакой, он не знает, что это именно она. Как правило, люди убеждены: им стало плохо и они «чуть не умерли», причем причина не ясна. Тахикардия, потоотделение, ком в горле, состояние суеты, расширение зрачков, колебание артериального давления, падение уровня сахара в крови – это общее состояние, которое связано как с положительными, так и отрицательными эмоциями, поэтому важно отметить, что все это проявления вегетативной активности вследствие, например, переутомления.

Панические атаки указывают на какую-то эмоциональную проблему из прошлого, настоящего или будущего. Поскольку паническая атака чаще всего – это следствие вегетативной активности, важно научиться распознавать и осознавать, что ее

проявления есть результат эмоциональной составляющей, а не болезни. Человеку действительно сложно осмыслить собственное поведение и понять, что с ним происходит в момент паники. Для этого психологи рекомендуют использовать такие практики, как аутотренинг, расслабление, которые полезны, но не являются решением проблемы. Человек будет «проваливаться» в невроз, если неадекватно оценивает ситуацию, домысливает, думает о вещах, которые не соответствуют действительности. В этом случае эффективна когнитивно-поведенческая психотерапия.

Все когнитивные настройки служат для того, чтобы заставить человека освоить новое поведение, которое приведет к другому результату. Если новое поведение оценивается человеком как эффективное в этих условиях, то оно закрепляется и выбирается в дальнейшем. По сути, формируются новые условные рефлексы, создающие конкурирующие доминанты для поведения в конкретной жизненной ситуации. Согласно данным зарубежных и отечественных исследователей, которые были обобщены А. Н. Прихожан, в современном мире количество тревожных людей непрерывно растет и это не зависит от половых, возрастных, социальных и других различий. Более того, тревожность массово начинает перерастать в глубинную тревогу, приводя к серьезным психическим, поведенческим и соматическим отклонениям, что является невротической симптоматикой, которая в отличие от обычной ситуативной тревожности плохо поддается коррекции (привод. по: [1]).

S. W. Woods, J. M. Gorman, L. A. Parr выделяют три основных разновидности панических атак.

1. Спонтанные панические атаки – возникают неожиданно, без видимых причин.
2. Ситуационные панические атаки провоцируются переживанием определенной психотравмирующей ситуации либо чувством ее ожидания.
3. Условно-ситуационные панические атаки возникают чаще под действием биологического или химического стимула (прием алкоголя, перестройка гормонального фона при менструальном цикле) (привод. по: [2]).

У каждого человека есть в жизни определенные обстоятельства (личные, профессиональные и т.д.), сферы жизни, в которых есть нарушения, противоречия, как правило, не осознаваемые им: внутренние конфликты, излишне эмоциональное отношение к чему-либо, что приводит человека к хроническому эмоционально-поднятому градусу. В какой-то момент человек начинает ощущать физиологическую эмоциональную составляющую, например, тревогу, но он не отдает себе отчета в причинах ее возникновения. Не связывая тревогу с первичным, субъективно значимым событием, человек начинает бояться смерти, приписывая ощущения одной из пяти проблем: инсульту, инфаркту, шизофрении, потери контроля, непринятию общества. Эти фантазии выступают триггерами к паническим атакам [2]. Паника просто так не наступает, сначала человек чувствует себя плохо из-за вегетативного напряжения, которое автоматически очень быстро (он даже не успевает отследить) объясняет одним из вариантов ухудшения самочувствия, что вызывает страх, в кровь выбрасывается адреналин, и начинается паника. Зачастую человек убежден, что ему повезло, что он не умер, потому что он, например, выбежал на улицу из душного помещения, выпил воды и т. д.

В связи с повторяющимися приступами у людей возникает страх повторения панической атаки и формируется сберегательное поведение, направленное на избегание ситуаций, в которых у него ранее возникали панические атаки или, как он считает, могут возникнуть. При этом приступы паники не должны быть обусловлены соматическим расстройством, употреблением психоактивных веществ, алкоголя или наркотиков [2].

Факторами риска для развития панических атак являются наследственная отягощенность тревожными расстройствами, невротические расстройства в анамнезе, сексуальное или физическое насилие в детском возрасте, курение, предшествующие стрессы, например, развод, перенесенное тяжелое заболевание, смерть близкого человека [1]. Начало панической атаки чаще всего внезапное, неконтролируемое, длительность зачастую составляет несколько минут, хотя может отмечаться большая временная продолжительность.

Панические атаки подразделяются на атрибутивные, то есть связанные с определенной ситуацией, местом, окружением, и спонтанные, возникающие вне зависимости от каких-либо внешних обстоятельств. Панические атаки часто приводят к формированию агорафобии, то есть страху выходить из дома: входить в общественные места, торговые центры, одному передвигаться в общественном транспорте и т. п. в зависимости от ситуации, в которой возникали панические атаки ранее.

В настоящей работе панические атаки будут рассматриваться преимущественно с точки зрения психологии, как особый вид тревожного состояния (симптомокомплекс на основе переживания тревоги).

Первое, что следует понимать: человек сам себя пугает пятью элементами, о которых мы упоминали ранее, то есть человек сам интерпретирует свое состояние как угрозу. Важно осознать, что угрозы нет, есть вегетативные процессы, есть эмоциональная составляющая, от которой ни один человек не умер. Второе: важное помнить, что «сила действия будет равна силе противодействия», то есть чем сильнее человек чему-то сопротивляется, тем сильнее это на него давит. То есть основная задача заключается в выключении сопротивления: не следует бежать от вегетативных проявлений «только бы не было паники», наоборот, важно отпустить и обратить внимание на происходящее. Третье: многие думают, что у паники есть некий пик, в котором обязательно что-то должно случиться, адреналин обычно наполняет спазматическим эффектом, поднимается волна по телу и кажется «вот-вот», в этот момент нарастания человеку хочется побежать, попросить о помощи, здесь важно осознать, что этого пика нет. Как было отмечено выше, в работе с этим алгоритмом, на наш взгляд, эффективна когнитивно-поведенческая или, как еще в литературе ее называют, когнитивно-бихевиоральная терапия [3].

Этот метод направлен на разъяснение природы симптомов, коррекцию дисфункциональных убеждений (о катастрофичности таких телесных ощущений, как учащенное сердцебиение, головокружение, убеждение в невозможности терпеть тревогу и т. п.) и научение справляться с симптомами самостоятельно. Последний аспект в первую очередь связан с экспозицией – методом поведенческой терапии, который направлен на нахождение человека в условиях, при которых крайне выражены симптомы тревоги с целью их последующего затухания естественным путем, без прибегания к любым формам сберегательного поведения. Этот вид психотерапии может проводиться индивидуально, в группах, а также дистанционно посредством видеозвонков с использованием сети Интернет.

Следующий вид психотерапии в работе с паническими атаками – краткосрочная психодинамическая терапия. Эта методика основывается на выявлении, прояснении психологического смысла панических симптомов. Согласно психодинамическому взгляду панические симптомы воспринимаются как проблема недостаточной сепарированности и автономности, в процессе терапии особое внимание уделяется анализу переноса и контрпереноса, межличностных взаимоотношений человека.

Целью терапии является достижение личностью осознания того, что испытываемые им симптомы основаны на внутренней реальности, а не на внешней, и не несут угрозы для жизни [4].

Еще одним видом терапии выступает парадоксальная интенция В. Франкла. Метод терапии – парадоксальная интенция использует железный принцип: как только человек оставляет попытки бороться со своим страхом и действует от противного, он разрывает порочный круг зависимости. Это автоматически приводит к ослаблению действия, а впоследствии – к полному избавлению от атрофирующегося симптома. Ключом к исцелению становится личная вовлеченность человека в осмысленную деятельность в противовес невротической сосредоточенности на симптоме в болезненном состоянии, стимулирующем его повторение и закрепление. Другими словами, человек переносит себя из мира эмоций, прогнозируемых проблем в мир логики и фактов, подтверждаемых собственным опытом. То есть важно осознать, что это не опасно, не сопротивляться физиологии, не бежать, расслабиться и делать наоборот шаги вперед: определить места, в которых у человека случались паники (пробки, метро, ТЦ, дома) и каждый день идти в эти места «опускать руки и говорить “давай”». Идеально, если человек побывает на месте, проживет панику и нигде не убежит, можно считать, что он победил атаку [3].

Релаксационные методы психотерапии направлены на обучение человека различным техникам (в основном связанным с управлением дыхания и мышечным напряжением), помогающим справиться с тревогой и напряжением, тем самым предотвращая возникновение панического приступа. К ним относят поддерживающую психотерапию, групповую психотерапию, гештальт-терапию, психоаналитически ориентированную психотерапию, семейную терапию, поддерживающие группы для людей с паническими атаками, которые имеют ограниченные доказательства эффективности, но могут быть полезны в индивидуальных случаях [1].

Противопоказаниями к психотерапевтическому воздействию являются негативное отношение человека к психотерапии, ярко-выраженный страх перед раскрытием своих переживаний, объективные сложности с регулярным посещением сеансов терапии. Эти противопоказания не являются абсолютными, но объективно затрудняют проведение психотерапевтического воздействия людям с паническими атаками.

Профилактика. Специфической профилактики, позволяющей предотвратить повторение панических атак, не существует. Однако есть рекомендации для людей, столкнувшихся с панической атакой, а именно: регулярные физические нагрузки, которые играют роль защиты от проявлений тревоги, отказ от злоупотребления психоактивными веществами (алкоголь, никотин, наркотики).

Всемирная организация здравоохранения приняла когнитивно-поведенческую терапию как золотой стандарт в терапии тревожно-фобических и депрессивных расстройств. В когнитивно-поведенческой терапии работает образовательная модель отношений, где психолог выступает в роли учителя, а клиент в роли обучающегося. Их взаимоотношения хоть и реальные, но не имеют значимого влияния на результат консультативного взаимодействия. Важным же для эффективных изменений является сосредоточение внимания на реакциях, которые проявляет клиент во время научения. Задачами клиента являются следующие: научиться контролировать себя в трудных условиях, тренировать настойчивость, регулировать мысли и чувства, выявлять и использовать дополнительные навыки, научиться выстраивать благоприятные последовательности.

Среди наиболее популярных средств выделяются три основные группы: процедуры классического и оперантного обусловливания и процедуры научения.

Оперантное обусловливание включает положительное и отрицательное подкрепление, прямой и обратный цепной метод, практическое исполнение, погашение, наказание как лишение положительных подкреплений, наказание как предъявление неприятного стимула; исправление, использование стимулов. К процедурам классического обусловливания относят метод прогрессивной мышечной релаксации; тренинг уверенности, аверсивное обусловливание (скрытая сенсibilизация), скрытое подкрепление, скрытое погашение, вбрасывание (импловизная терапия), использование неприятных стимулов.

Выделяют шесть типов *процедур социального научения и самоконтроля*.

1. Тренировка настойчивости, направленная на научение клиента добиваться выбранной цели: открытые и закрытые вопросы в ходе интервью; ролевые игры; директивы, дающие направление интервью; перечисление альтернатив для принятия решения.

2. Тренировка релаксации, направленная на научение навыкам глубокого расслабления: уменьшение фобии с помощью обучения глубокой релаксации; построение иерархии страхов; увязывание иерархии страхов с объектом тревоги на фоне упражнений на релаксацию.

3. Моделирование поведения: поощрение и наказание за нежелательное поведение; использование дневниковых и иных записей клиентов, которые ведутся во время работы с психологом; стратегии предотвращения рецидивов.

4. Методы самоконтроля: самоподкрепление, ведение записей, метод ограничений, постановка целей, распределение времени и деятельности.

5. Биологическая обратная связь и аутогенная тренировка: биологическая обратная связь, сенсорная чувствительность и аутогенная тренировка.

6. Методы иммерсии: имплозия (погружение в ситуацию в воображении); наводнение – погружение пациента в ситуацию, где обостряется симптом, под наблюдением терапевта; парадоксальная интенция; искусственное усиление симптомов заболевания; дистанцирование от симптома; включение механизмов, близких к реципрокному торможению (здесь необходимо давать юмористическую окраску) [1].

Рассмотрим некоторые техники более подробно.

Жетонная система. За каждое «нужное» действие клиент получает заранее определенное количество символических объектов – фишек (в виде фишек могут выступать монетки, очки, баллы и т. д.), которые в дальнейшем он может обменять на важные для него вещи. Этот метод с очень высокой эффективностью, применяется в организациях системы воспитания и обучения: школах, тюрьмах, клиниках, то есть в организациях, где происходит воспитание важных для всех участников качеств и поведенческих реакций. Так, в школе при помощи жетонной системы может идти регуляция учебной активности, в психиатрической клинике – чистоплотности, в тюрьме – просоциального поведения.

Систематическая десенсибилизация. Метод направлен на снижение эмоциональной чувствительности к определенным, ранее болезненным ситуациям. Метод разработан Дж. Вольпе на основе экспериментов по классическому обусловливанию, проведенных И. П. Павловым. Он основывается на предположении о генерализации аффекта, приводящего к связыванию эмоционального переживания с первоначально нейтральными признаками ситуаций, в которых появился фобический страх. При такой трактовке ситуации в качестве основной цели выступает необхо-

димось угнетения появившегося условного рефлекса, вызывающего переживание страха на объективно нейтральные стимулы среды. Угнетение проводят с заменой неприятных стимулов на приятные.

Суть метода сводится к тому, что в процессе терапии создаются условия, при которых клиент, встречаясь с ситуациями, вызывающими страх, не имеет возможности его испытывать. По сути, происходит конфронтация привычной для клиента поведенческой реакции за счет применения другой поведенческой реакции. Вариантов конфронтационной реакции много: начиная от использования юмора, заканчивая релаксацией или десенсибилизацией. Многократное повторение такого рода конфронтации приводит к угасанию реакции страха либо ее замещению иной реакцией, несовместимой со страхом. Во втором случае основой десенсибилизации становится принцип контр-обусловливания, открытый Дж. Вольпе [1].

Процедура систематической десенсибилизации состоит из нескольких последовательных этапов. На первом этапе клиент обучается методу глубокого расслабления. Клиента обучают релаксации заранее. На втором этапе консультант помогает клиенту проранжировать существующие ситуации, связанные со страхом по степени его выраженности. Составляется так называемый «Лист иерархии страхов». Внизу иерархии указывается ситуация (или предмет), вызывающая наименьший страх, вверху помещается ситуация (или предмет) с наибольшей выраженностью страха. Выделяются промежуточные ситуации (8–15). Третий этап связан с собственно десенсибилизацией. Пациента просят добиться полного расслабления и после этого мысленно воспроизвести минимальную по напряжению ситуацию из ранее составленного списка. Важно в этом процессе вжиться в ситуацию, сохраняя состояние спокойствия и расслабленности. Если клиенту удастся сохранить спокойствие, то осуществляется работа со следующей из списка ситуацией, пока не дойдут до самой верхней. Таким образом, отрабатываются все ситуации из иерархии страхов. Часто при этом используют моделирование: терапевт или ассистент демонстрирует, как он сам без страха справляется с такими ситуациями. В случае применения метода в работе с маленькими детьми в качестве положительного подкрепления используют не расслабление, а другие средства (лакомства, ласка взрослого, возможность играть с другими детьми). Ситуации, вызывающие страх также не визуализируются, а сценически проигрываются про помощи театральных постановок, кукол и других средств или предъявляются на картинках. Метод считается эффективным для работы со страхами, когда ситуация, связанная с его фиксацией, доподлинно известна и может быть проиграна.

Систематическая десенсибилизация чаще всего используется в терапии нарушений поведения, так или иначе связанных с классическими фобиями (боязнь пауков, змей, мышей, замкнутого пространства и т. д.), социальными страхами, паническими атаками.

Иерархизация. Систематической десенсибилизации предшествуют две процедуры (иерархизация и обучение произвольной релаксации), отмеченные при описании предыдущей техники, которые могут использоваться как самостоятельные методы. Суть иерархизации состоит в том, чтобы совместно с клиентом были найдены и оценены по степени опасности ситуации, связанные со страхом. Начинают иерархию с максимально простых ситуаций, например, при страхе пауков это может быть ситуация, связанная с чтением книги о пауках либо еще более простая ситуация, связанная со знанием о такой книге. В процессе иерархизации выбираемые ситуации все более усложняются, доходя до сложных или опасных ситуаций. После этого

клиенту предлагают расположить выбранные ситуации в порядке их «опасности» или «трудности», если вопрос касается затруднений социального поведения.

Структурно процедура иерархизации делится на несколько этапов. На первом этапе идет выбор конкретной проблемы, с которой клиент намеревается работать, чаще это ситуации, связанные со страхами. Затем составляется список ситуаций с различной степенью трудности, далее этот список ранжируется клиентом на основании выбранного критерия – трудности или опасности.

Обычно различают «тематические» и «пространственно-временные» иерархии. Тематическая иерархизация касается ранжирования по степени сложности событий из разных сфер жизни человека, объединенных одной «темой». Так, если тематическая иерархизация связана со страхом ошибиться (или страх показаться неполноценным, страх оценки и т. д.), то для проведения иерархизации выбираются ситуации, объединенные этой темой: ошибка выбора партнера, ситуация ответа, экзамена, принятия решений.

Пространственно-временная иерархизация в отличие от рассмотренной выше, работает с одной и той же ситуацией страха. Иерархизация в данном случае касается пространственных или временных характеристик. Так, при работе со страхом пауков может меняться параметр пространства: представьте, что паук на расстоянии 10 м, или рядом с вами в аквариуме, или на вашей руке. При работе с социальными страхами (страх экзамена) часто меняют параметр времени: за год до экзамена, месяц, накануне, сейчас нужно будет отвечать.

Существуют и другие варианты оснований для иерархизации. Так, в тренинге социальных навыков часто используют социально-психологические параметры партнеров для выстраивания иерархии. Для этого в иерархии меняют характеристики партнера, стиль взаимодействия или характер межличностных отношений.

Мысленный «стоп». Часто клиенты предпринимают попытки перестать думать о неприятных или трагических событиях, которые, однако, не заканчиваются успехом. В бихевиоральном консультировании для достижения такой цели используют метод, который называется «мысленный стоп». Суть метода состоит в применении условно-рефлекторного торможения, то есть использования тормозящих привычные мысли стимулов: слово «стоп», дорожные знаки или другие персонифицированные образы [1].

Метод используется для работы с любыми негативными, тормозящими деятельность мыслями и чувствами, в том числе с ситуациями острого горя. Метод легок в применении, не требует специальной аппаратуры, экономичен по времени. Проводится метод в несколько этапов, в течение которых сначала выявляются болезненные мысли, затем формируется сигнальное значение слова «стоп» или других стимулов, затем этот навык применяется клиентом в реальной жизни. Рассмотрим эти этапы.

1. *Выявление неблагоприятных мыслей.* Консультант совместно с клиентом составляет иерархизированный список мыслей и (или) ожиданий, которые необходимо научиться останавливать. В процессе этой работы с клиентом должно быть обсуждено негативное воздействие этих мыслей или ожиданий на его жизнь, что позволит клиенту осознать происходящий патологический процесс и необходимость устранения или видоизменения таких мыслей или ожиданий. Клиенту предлагается способ контроля этих мыслей в виде техники «мысленный стоп».

2. *Тренировка во внешней речи.* Клиент занимает удобную позу, закрывает глаза и концентрируется на своих негативных мыслях или ожиданиях, одновременно

представляя себе картину, вызывающую негативные эмоции. Клиента просят дать знак, как только он полностью сконцентрируется на этих переживаниях. В дальнейшем клиент громко и четко проговаривает эти мысли вслух, а консультант в определенный момент выкрикивает слово «стоп». Обсуждение реакции клиента на слово «стоп» позволяет выяснить специфику реакции. Этап считается пройденным, если реакция на «стопы» проявилась в прерывании нежелательных мыслей и замены их на другие.

3. *Тренировка во внутренней речи.* Начало этого этапа повторяет предыдущую процедуру. Однако после знака «стоп» клиента просят представить приятную сцену, в которой клиент может чувствовать себя спокойно и расслабленно. Такой релаксационный сюжет является скрытым подкреплением для нового навыка – научения прерывать свои мысли и направлять их в другую область.

4. *Автоматизация.* На этом этапе клиент учиться самостоятельно говорить слово «стоп» в нужный момент.

5. *Внутренний стоп.* Этот этап направлен на формирование умения мысленно останавливать себя. Клиенту необходимо мысленно произносить слово «стоп», одновременно представляя себе останавливающий символ. В случае если эта процедура не получается, необходимо возвращаться на предыдущий этап [1].

Паническая атака – это личное сверхэмоциональное отношение к каким-то локальным конкретным ситуациям, многие из которых могут не осознаваться человеком, например, неспособность принять решение расстаться с человеком или не расстаться или неспособность принять решение уволиться/не уволиться. С этими проблемами может столкнуться любой человек, и, как следствие, каждый четвертый может подвергнуться панической атаке. Выработка умения направлять нейронные связи в другом направлении (не избегание, а принятие) положительно влияет на человека. Способность видеть причинно-следственные связи опасности и испытывать панику, то есть паника – это ответная реакция организма на обоснование угрозы, соответственно, научившись видеть реальную, а не мысленную угрозу, человек способен остановить внутреннюю панику.

Список литературы

1. Андронникова О. О. Основы психологического консультирования: учеб. пособие. М.: Вузовский учебник: ИНФРА-М, 2018. 414 с.
2. Воробьева О. В. Панические атаки (клиника, диагностика, принципы лечения). М.: АМА-ПРЕСС, 2009. Т. 46.
3. Залевский Г. В., Кузьмина Ю. В., Залевский В. Г. Когнитивно-поведенческая психотерапия: учеб. пособие для вузов. М.: Юрайт, 2019. 194 с.
4. Камалетдинова З. Ф., Антонова Н. В. Психологическое консультирование: когнитивно-поведенческий подход: учеб. пособие для бакалавриата, специалитета и магистратуры. М.: Юрайт, 2019. 211 с.

НАУЧНЫЙ ДЕБЮТ (СТАТЬИ СТУДЕНТОВ, МАГИСТРАНТОВ, АСПИРАНТОВ)

УДК 159.9

Фелькер Диана Эдуардовна

магистрант I курса, направление «Специальное (дефектологическое) образование», профиль «Специальная психология», факультет психологии, Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Россия, diana_felker@mail.ru

ВЗАИМОСВЯЗЬ АКЦЕНТУАЦИЙ ХАРАКТЕРА И МЕЖЛИЧНОСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ У ПОДРОСТКОВ С НАРУШЕНИЕМ РЕЧИ

Аннотация. В работе рассматриваются положения об акцентуациях характера, зафиксированных в работах К. Леонгарда и А. Е. Личко. Обозначаются имеющиеся трудности в межличностных отношениях подростков с нарушениями речи. Проводится эмпирическое исследование, включающее корреляционный анализ, с целью выявления взаимосвязи между акцентуациями характера и межличностными отношениями у подростков с нарушениями речи. Приводятся результаты исследования, демонстрирующие 26 значимых корреляций, на основе которых были сформулированы выводы.

Ключевые слова: акцентуации характера, подростки, межличностные отношения, нарушения речи, коммуникация.

Felker Diana Eduardovna

1st year undergraduate, specialty (defectological) education, profile Special Psychology, Faculty of Psychology, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia, diana_felker@mail.ru

RELATIONSHIP OF ACCENTUATIONS OF CHARACTER AND INTERPERSONAL RELATIONS IN TEENAGERS WITH SPEECH DISTURBANCES

Abstract. The paper considers the provisions on character accentuations recorded in the works of K. Leonhard and A. E. Lichko. The existing difficulties in interpersonal relations of adolescents with speech impairments are indicated. An empirical study is carried out, including a correlation analysis, in order to identify the relationship between character accentuations and interpersonal relationships in adolescents with speech impairments. The results of the study are presented, demonstrating 26 significant correlations, on the basis of which conclusions were formulated.

Keywords: accentuation of character, adolescents, interpersonal relationships, speech disorders, communication.

Введение. Актуальность исследования обусловлена процессами реорганизации образовательной системы. Цель этих процессов – создание оптимальных условий

для успешной социализации и всестороннего развития ребенка вне зависимости от уровня его психофизического развития. В связи с этим возникает множество трудностей и противоречий, как правило, между предъявляемыми требованиями со стороны образовательной системы и реализацией этих требований.

Эффективность социализации развивающейся личности находится в прямой зависимости от полноценности процесса речевого общения и межличностной коммуникации со сверстниками. У подростков с нарушением речи наблюдаются трудности в организации собственного речевого поведения, что отрицательно сказывается на их взаимодействии со сверстниками. Взаимообусловленность нарушения речи и коммуникативных умений у рассматриваемой категории лиц препятствует осуществлению полноценного общения, что особенно характерно при различных нарушениях характера, которые могут выражаться в определенном типе акцентуаций характера.

Специфические особенности, характерные для того или иного типа акцентуации, определяют межличностные отношения подростков со сверстниками, их восприятие группы и наиболее подходящие стили межличностного взаимодействия. Подростковому возрасту свойственны быстро протекающие изменения в организме, для этого возраста характерны повышенная возбудимость, относительная неустойчивость нервной системы, завышенные притязания к себе и окружающим, переоценка своих возможностей. Подросток все больше осознает себя как личность, усваивает личностные права и обязанности.

Х. Ремшмидт отмечает, что подросткам свойственна высокая чувствительность к оценочным суждениям со стороны взрослых и сверстников [8]. Если их критикуют, то наблюдаются аффективные переживания. В их поведении проявляется агрессивность, иногда жестокость. Чаще всего подростки относятся к себе слишком критично, присваивают себе отрицательные характеристики, соответственно, их самооценка занижена, при этом они критичны по отношению к другим. Подростки стремятся иметь свое мнение, свои взгляды и суждения. Л. И. Божович характеризует эмоции подростков как сильные, а самих подростков – как страстных и вспыльчивых [1]. С этим связано неумение сдерживать себя, отсюда – слабость самоконтроля и резкость в поведении. По мнению Б. С. Волкова, подростковый возраст полон противоречий, он считается самым сложным возрастным периодом, так как в это время переживается самый острый кризис [2]. Названные особенности ведут к определенным трудностям, соответственно, наличие той или иной акцентуации характера будет обуславливать поведение подростка в обществе.

Согласно К. Леонгарду, акцентуации – это те же индивидуальные черты, но обладающие тенденцией к переходу в патологическое состояние [5]. А. Е. Личко описывал акцентуации характера как крайние варианты нормы, при которых некоторые черты характера выражены в большей степени, причем акцентуации могут быть как скрытыми, так и явными [7]. Именно явные акцентуации относят к крайней границе нормы, скрытые же выражены в легкой степени или не выражены совсем, но могут проявляться под воздействием определенных факторов. Акцентуации характера как индивидуально-типологические особенности проявляются во всех сферах жизнедеятельности человека, они обуславливают особенности поведения и общения личности.

Как известно в подростковом возрасте общение особенно значимо, так как коммуникативное развитие учащихся является одним из основных факторов становления и совершенствования их характера. В общении со сверстниками подросток усваивает социальные нормы, происходит переоценка ценностей, удовлетворяет-

ся потребность в признании и самоутверждении. Общее развитие личности предполагает владение богатой лексикой, которая включает в себя как научные, так и бытовые понятия, что позволяет успешнее взаимодействовать с воспринимающим человеком [6].

Если коммуникативное пространство, в котором развивается подросток, не содержит условий для реализации успешного общения, то в личности подростка могут получать развитие многие негативные тенденции. Негативный коммуникативный опыт приводит к тому, что подростки реже вступают в общение, стремятся избегать включения в различные речевые ситуации, начинает снижаться самооценка, стремление к самоутверждению в общении и одновременная боязнь контактов часто приобретают формы вербальной агрессии [3].

Но важно отметить, что не только акцентуации характера могут вызывать трудности в коммуникации, но и речевые нарушения. Подростку, имеющему речевое нарушение и выраженную акцентуацию характера, сложно выстраивать межличностные отношения и продуктивное взаимодействие. Изучением коммуникации подростков с нарушениями речи занималась С. А. Игнатьева [4], она писала, что в связи с представленными выше нарушениями у подростка возникает множество трудностей в общении, что приводит к беспомощности, чувству неполноценности и неудовлетворенности процессом общения. Затрудненное общение у лиц с нарушениями речи приводит к изменению характера социальных потребностей и эмоционального отношения к различным сторонам действительности.

Методы исследования. В связи с обозначенным встает вопрос, как именно происходит коммуникация подростков, имеющих акцентуации характера, особенно, если у них имеются речевые нарушения. В рамках нашего исследования была поставлена цель – выявление взаимосвязи акцентуации характера и межличностных отношений у подростков с нарушением речи. Для достижения этой цели было проведено исследование, предполагающее диагностику межличностных отношений (методика Т. Лири) и диагностику акцентуаций характера (методику К. Леонгарда и Г. Шмишека). Математико-статистическая обработка данных включала корреляционный анализ (критерий r -Спирмена). Выборку эмпирического исследования составили 28 подростков с нарушениями речи в возрасте 13–16 лет.

Результаты исследования и их обсуждение. В результате применения критерия r -Спирмена было получено 25 положительных и одна отрицательная взаимосвязь с вероятностью ошибки менее 5 % (табл.).

Таблица

Результаты корреляционного анализа по r -критерию Спирмена

Взаимосвязанные переменные	Число набл.	r -Спирмена	p -уров.
1	2	3	4
Гипертимность & Авторитарный	28	0,41	0,031
Гипертимность & Эгоистичный	28	0,49	0,009
Гипертимность & Агрессивный	28	0,65	0,000
Гипертимность & Зависимый	28	0,52	0,005
Гипертимность & Дружелюбный	28	0,48	0,010
Гипертимность & Альтруистический	28	0,38	0,044
Демонстративность & Авторитарный	28	0,46	0,013
Демонстративность & Эгоистичный	28	0,65	0,000
Демонстративность & Агрессивный	28	0,48	0,010

1	2	3	4
Демонстративность & Подозрительный	28	0,50	0,007
Демонстративность & Зависимый	28	0,46	0,014
Демонстративность & Дружелюбный	28	0,57	0,001
Демонстративность & Альтруистический	28	0,62	0,000
Застывание & Агрессивный	28	0,43	0,022
Педантичность & Авторитарный	28	0,41	0,029
Педантичность & Агрессивный	28	0,43	0,024
Педантичность & Зависимый	28	0,50	0,007
Педантичность & Дружелюбный	28	0,54	0,003
Педантичность & Альтруистический	28	0,39	0,038
Тревожность & Агрессивный	28	-0,43	0,022
Циклотимность & Подчиняемый	28	0,41	0,032
Циклотимность & Дружелюбный	28	0,43	0,023
Циклотимность & Альтруистический	28	0,45	0,017
Экзальтированность & Подчиняемый	28	0,41	0,031
Экзальтированность & Дружелюбный	28	0,38	0,048
Эмотивность & Подчиняемый	28	0,53	0,004

Результаты корреляционного анализа показали, что подростки с гипертимной акцентуацией характера проявляют разные типы межличностных отношений (рис.). Были выявлены положительные взаимосвязи с авторитарным, эгоистичным, агрессивным, зависимым, дружелюбным и альтруистическим типами межличностных отношений (r варьируется от 0,38 до 0,65, при $p < 0,05$). Соответственно, гипертимных подростков можно охарактеризовать как активных и настойчивых в установлении межличностных контактов, они достаточно уверены в себе и своих возможностях. Также им свойственен дружелюбный тип коммуникации, что свидетельствует о стремлении к сотрудничеству и компромиссным решениям. С одной стороны, подростки проявляют деликатность и мягкость в коммуникации, они отзывчивы и альтруистичны. С другой стороны, они ориентированы только на свою личность, на личное мнение. Им свойственна конформность и доверчивость, часто ждут помощи от окружающих, что может быть связано с тем, что подростки с речевым нарушением привыкли во всем полагаться на своих родителей.

Подобные результаты были обнаружены и по отношению к демонстративному типу акцентуации характера. В результате анализа выявлено семь положительных взаимосвязей с авторитарным, эгоистичным, агрессивным, подозрительным, зависимым, дружелюбным и альтруистическим типами межличностных отношений (r варьируется от 0,46 до 0,65 при $p < 0,02$). Это свидетельствует о том, что для демонстративного типа характерны общительность, артистичность, решительность, но при этом неустойчивая самооценка, зависть и некоторая ревность. Они зависимы от мнения окружающих, но вместе с тем могут проявлять наличие либо ярко выраженного эгоизма, либо альтруизма. Подросток стремится быть в центре внимания, используя приемлемый способ. Стремление к лидерству как желание удовлетворить свой эгоцентризм, что может быть обусловлено следующим: ребенок, имеющий нарушение речи, окружен повышенным вниманием со стороны своих родителей. Под-

ростки с этой акцентуацией характера стремятся к самостоятельности в любом виде деятельности и имеют свою точку зрения, которую умеют отстаивать, что привлекает сверстников. Склонны к конфликтам, но не проявляют агрессию.

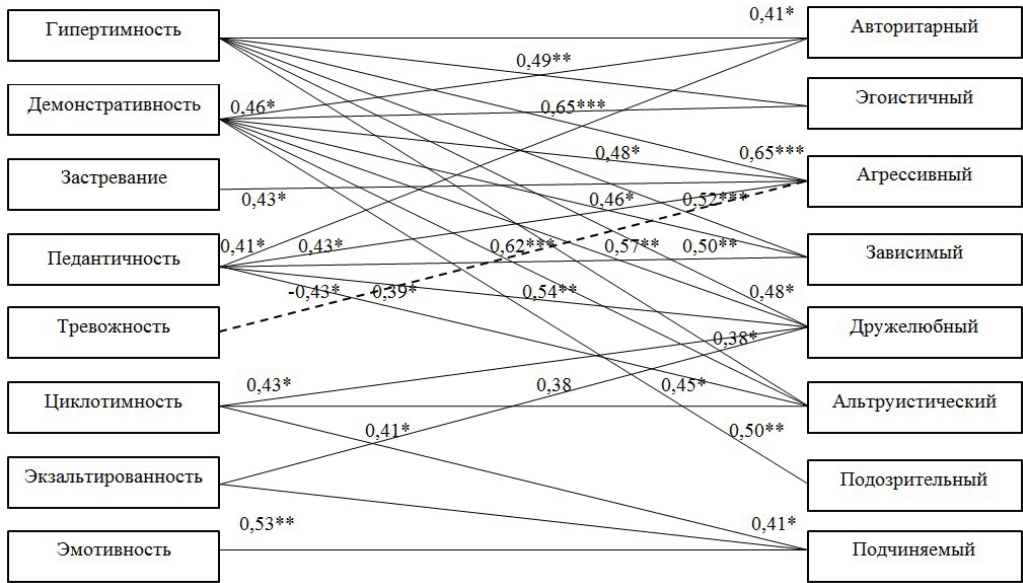

Рис. Схема корреляционного анализа взаимосвязи акцентуаций характера и межличностных отношений у подростков с нарушением речи

Кроме того, наблюдаются положительные взаимосвязи между педантичным типом акцентуации характера со следующими типами социальных ориентаций: авторитарным, агрессивным, дружелюбным и альтруистическим (r варьируется от 0,39 до 0,54 при $p < 0,04$). В этой связи можно утверждать, что подростки с нарушением речи с данным типом акцентуации характера парадоксально сочетают в себе противоположные стили межличностного взаимодействия. Они склонны проявлять как агрессивный стиль межличностных отношений, так и дружелюбный. Педантичному типу свойственны преувеличенная приверженность к определенному порядку, стремление следовать строгому плану и держать все под контролем, добросовестность, ответственность и повышенные требования к себе.

Результаты корреляционного анализа показали сходство двух типов акцентуаций характера циклотимного и экзальтированного, которые имеют похожие типы межличностных отношений. Для подростка с циклотимной акцентуацией характера свойственно проявление дружелюбного, альтруистического и подчиняемого типов межличностных отношений (r варьируется от 0,41 до 0,45 при $p < 0,04$). Подростки с экзальтированным типом акцентуации характера проявляют те же типы межличностных отношений (r варьируется от 0,38 до 0,41 при $p < 0,05$). Это говорит о том, что подростки с данными акцентуациями характеризуются уступчивостью и конформностью, стремлением избегать конфликтных ситуаций, эмоциональной сдержанностью, предпочитают соглашаться с мнением большинства, отзывчивы. Им свойственно доброжелательное отношение к окружающим. К этой группе можно отнести эмотивный тип акцентуации характера во взаимосвязи с подчиняемым типом социальной ориентации ($r = 0,53$ при $p < 0,05$). Как и при экзальтированном типе акцентуации характера эмотивные подростки с нарушением речи не стремятся

отстаивать свое мнение, им проще согласиться с другими. Редко проявляют инициативу в какой-либо деятельности, но с легкостью выполняют поручения.

Последняя группа подростков с тревожным и застревающим типами акцентуаций характеризуются агрессивным типом коммуникации, занимая обе стороны его континуума. Так, в частности существует обратно пропорциональная связь с тревожной акцентуацией характера ($r = -0,43$ при $p < 0,03$) и прямо пропорциональная с застревающей ($r = 0,43$ при $p < 0,3$). Полученное позволяет говорить о том, что подростки с тревожной акцентуацией характера блокируют проявление агрессии в межличностном взаимодействии, так как бояться, что агрессия может быть обращена в их сторону. У них низкий уровень коммуникации, так как они с опаской относятся к новым знакомым, предпочитают быть обособленными от группы сверстников. С другой стороны, подростки с застревающей акцентуацией характера имеют выраженный агрессивный тип коммуникации, проявляют настойчивость и активно отстаивают свое мнение, редко уступают, чаще вступают в конфликт. Они прямолинейны и требовательны как к себе, так и к окружающим.

Выводы. Анализ полученных статистически значимых взаимосвязей позволяет сформулировать ряд выводов. Во-первых, подросткам с гипертимной, демонстративной и педантичной акцентуациями характера свойственно парадоксальное сочетание в себе противоположных стилей межличностного взаимодействия подростков с нарушением речи. Для них характерны как активно-агрессивные, так и пассивно-дружелюбные типы межличностных отношений. Более того, представленные типы не являются специфическими для данных акцентуаций. Во-вторых, в результате корреляционного анализа было выявлено, что подростки с циклотимной, экзальтированной и эмотивной акцентуациями характера имеют специфический характер взаимодействия, выражающийся в подчиняемом, дружелюбном и альтруистическом типах межличностных отношений. Это характеризуется их доброжелательным отношением к окружающим, конформностью, стремлением избегать конфликтных ситуаций и отзывчивостью. В-третьих, подростки с нарушением речи, имеющие тревожную и застревающую акцентуации характера, проявляют полярно-агрессивный тип межличностных отношений. Соответственно, тревожный тип не склонен проявлять агрессию в коммуникации, в то время как для подростка с застревающей акцентуацией данный тип является превалирующим.

Список литературы

1. Божович Л. И. Личность и ее формирование в детском возрасте. СПб.: Питер, 2009. 400 с.
2. Волков Б. С. Психология подростка: учеб. пособие для вузов. М.: Гаудеамус, 2005. 208 с.
3. Заблоцкий Г. О. Коммуникативно-речевые аспекты гармонизации личности подростка с акцентуацией характера: автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2011.
4. Игнатьева С. А. Логопедическая реабилитация детей с отклонениями в развитии: учебное пособие для вузов по специальности «Социальная работа». М.: ВЛАДОС, 2004. 304 с.
5. Леонгард К. Акцентуированные личности. Ростов н/Д.: Феникс, 2000. 544 с.
6. Леонтьев А. А. Психология общения. М.: Смысл, 1999. 365 с.

7. Личко А. Е. Типы акцентуаций характера и психопатий у подростков. М.: ЭКСМО-Пресс, 1999. 416 с.

8. Реммидт Х. Подростковый и юношеский возраст: проблемы становления личности. М.: Мир, 1994. 320 с.

Научный консультант – кандидат психологических наук, доцент, заведующий кафедрой практической и специальной психологии, Новосибирский государственный педагогический университет
Перевозкина Юлия Михайловна.

Scientific consultant – Candidate of Psychological Sciences, Assistant Professor, Head of Division of Practical and Special Psychology of Psychological Department at the Novosibirsk State Pedagogical University
Perevozkina Yulia Mihaylovna.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ И ЧИТАТЕЛЕЙ

Факультет психологии ФГБОУ ВО «НГПУ» приглашает на обучение (очная и заочная форма) по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры и аспирантуры (имеются бюджетные места на всех формах обучения).

Контакты для дополнительной информации: р.т. +7 (383) 244-03-78, м.т. +7-923-226-48-47, e-mail: svetanesterova@yandex.ru, Нестерова Светлана Борисовна, ответственный секретарь приемной комиссии факультета психологии; сайт университета <https://www.nspu.ru/abiturient/>

I. СПЕЦИАЛИТЕТ

1. Психология служебной деятельности. Специализации:

- 1) Психологическое обеспечение служебной деятельности сотрудников правоохранительных органов;
- 2) Пениitenciарная психология;
- 3) Психологическое обеспечение служебной деятельности в экстремальных ситуациях.

2. Педагогика и психология девиантного поведения: Психолого-педагогическая профилактика девиантного поведения.

II. БАКАЛАВРИАТ

1. Психология.

2. Психология: 1) Психологическое консультирование и психология личности

3. Психолого-педагогическое образование:

- 1) Психология образования;
- 2) Психология и педагогика образования одаренных детей;
- 3) Психология развития и воспитания личности.

4. Специальное (дефектологическое) образование: Специальная психология

III. МАГИСТРАТУРА

1. Психология:

- 1) Психология развития;
- 2) Клиническая психология;
- 3) Консультативная психология и психотерапия;
- 4) Драматерапия виктимности.

2. Психолого-педагогическое образования:

- 1) Психология и педагогика образования одаренных детей;
- 2) Психолого-педагогическое сопровождение образовательного процесса кадетов и военнослужащих;
- 3) Девиантология;
- 4) Педагогическая психология;
- 5) Психологическое сопровождение школьной службы медиации.

3. Специальное (дефектологическое) образование:

- 1) Специальная психология.

IV. АСПИРАНТУРА

1. Психологические науки (37.06.01):

- 1) Психология развития, акмеология;
- 2) Общая психология, психология личности, история психологии.

Требования к оформлению материалов

1. Формат страницы А4. Поля верхнее, нижнее, левое и правое – 2,5 см; абзацный отступ 1,25. Шрифт TimesNewRoman; размер 14; интервал 1,25; выравнивание по ширине.

2. Каждая статья должна иметь УДК, размещаемый в левом верхнем углу.

3. После пропущенной строки прописными (заглавными) буквами печатается название статьи на русском языке, шрифт жирный, размер – 14, выравнивание по центру.

4. На следующей строке печатаются полностью фамилия, имя, отчество автора, шрифт жирный, размер шрифта – 14, выравнивание по центру.

5. На следующей строке указывается название организации, город, страна, шрифт жирный, размер – 14, выравнивание по центру. Если авторы работают в разных организациях, информация о них представляется поочередно.

6. После пропущенной строки прописными (заглавными) буквами печатается название статьи на английском языке.

7. На следующей строке – фамилия автора на английском. Далее – название организации, город и страна на английском языке, шрифт жирный, размер – 14, выравнивание по центру.

8. После пропущенной строки размещается структурированная аннотация (**Аннотация**): указывается проблема и цель исследования, методология, результаты исследования, заключение; объем аннотации 450-500 знаков и **ключевые слова** (5–7) на русском языке. Размер шрифта – 12.

9. На следующей строке размещается аннотация (**Abstract**) и ключевые слова на английском языке (**Keywords**). Размер шрифта – 12.

10. После пропущенной строки печатается текст публикации. Размер шрифта – 14; интервал – 1,25; тип – TimesNewRoman; выравнивание по ширине. Переносы и номера страниц не ставятся. Таблицы, рисунки и графики, вставляются как внедренные объекты и входят в общий объем публикации.

11. В статьях методического характера указывается дисциплина и направление подготовки.

12. Библиографические ссылки в тексте указываются в квадрат. скобках, их список приводится в конце текста (по алфавиту); каждому номеру соответствует один источник. В случае цитирования страницы указываются рядом с номером источника, например «Текст цитаты...» [3, с. 32]. Использование подстрочных ссылок не допускается.

13. Список литературы и источников обязателен, должен включать не менее 5 источников, размещается после текста с пропуском в одну строку. Оформляется согласно ГОСТ 7.0.5-2008 (Общие требования см. <http://protect.gost.ru/document.aspx?control=7&id=173511>).

14. Поступающие материалы проходят внутреннее рецензирование, после чего автору сообщается решение. В случае отклонений от установленных требований материалы возвращаются автору по электронной почте на доработку.

15. Статьи публикуются в авторской редакции. В случае необходимости редакция оставляет за собой право вносить в материалы незначительные изменения при условии, что это не приведет к искажению их смысла. Редакция оставляет за собой право отклонения статей. В случае отклонения рукописи рецензентом автору направляется мотивированный отказ.

16. Отправляя в редакцию текст статьи, автор принимает на себя обязательство, что в нем содержатся достоверные научные сведения, представляющие собой его авторский материал.

17. Статьи аспирантов, соискателей и магистрантов принимаются и передаются на рецензирование только при наличии положительного отзыва научного руководителя (отзыв высылается одновременно со статьей). Статьи должны иметь информацию о научном руководителе с указанием его ФИО (полностью), ученой степени, должности и места работы.

18. Все статьи должны пройти оценку в системе Антиплагиат. К рецензированию допускаются статьи, оригинальность которых составляет не менее 80% (проверяется весь текст статьи за исключением библиографического списка).

На отдельной (последней) странице размещаются сведения об авторе/авторах:

- фамилия, имя, отчество (на русском и английском языке);
- ученая степень, звание (на русском и английском языке);
- место работы (на русском и английском языке);
- занимаемая должность (на русском и английском языке);
- место учебы (магистрантов, аспирантов, соискателей, на русском и английском языке);
- почтовый адрес с индексом (в случае необходимости пересылки журнала);
- контактный телефон, e-mail;
- научный руководитель (для магистрантов, аспирантов, соискателей, на русском и английском языке): фамилия, имя, отчество; ученая степень, звание; место работы, занимаемая должность, e-mail.

Если авторов несколько, сведения оформляются отдельно на каждого. Сведения об авторах не учитываются при подсчете количества страниц.

Материалы высылаются на e-mail: smalta.journal@gmail.com

Объем представляемого к публикации материала может составлять от 10 до 20 стр. Материалы статей должны быть тщательно отредактированы и подготовлены в MicrosoftWord. Допускается архивация с помощью RAR или ZIP. Название файла должно соответствовать фамилии и инициалам первого автора (напр.: Бугрова_НВ или Bugrova_NV).

Стоимость публикации – 200 руб./1 стр. Если материалы содержат неполную страницу текста, стоимость округляется до полной. Оплата производится после получения подтверждения о ее принятии к публикации. Стоимость печатного экземпляра журнала составляет 600 руб. без учета пересылки. Стоимость отправки сборника рассчитывается в соответствии с почтовыми тарифами.

По вопросам публикации обращаться: Марина Викторовна Шпехт, тел. 8 (383) 244-00-77; г. Новосибирск, ул. Виллюйская, 28, каб. 402 факультета психологии (Центр практической психологии), ФГБОУ ВО «НГПУ».

Подробная информация также размещена на официальном сайте журнала <http://smalta-ckt.ru>

УДК 159.922

Бугрова Нина Владимировна*Городской центр психолого-педагогической поддержки г. Новосибирск, Россия***ФОРМЫ РАБОТЫ ПСИХОЛОГА
С ПРИЕМНЫМИ РОДИТЕЛЯМИ**

Аннотация. В статье анализируются трудности, связанные с воспитанием приемных детей. Особое внимание уделено... Показаны формы работы психолога с приемными родителями. На основе изучения... установлено... Автор приходит к выводу, что.....

Ключевые слова: приемная семья, детско-родительские отношения, психологическое сопровождение.

Bugrova Nina Vladimirovna*Urban center of psycho-pedagogical support, Novosibirsk, Russia***FORM OF PSYCHOLOGISTS' WORK WITH FOSTER PARENTS**

Abstract. The article analyzes the difficulties of raising adopted children. Shows the form of psychologists' work with foster parents.....

Keywords: foster family, parent-child relationship, psychological support.

На Всероссийском форуме приемных семей, прошедшем в Москве в феврале 2015 года, обсуждались трудности, связанные с воспитанием приемных детей [2].

.....

В процессе реализации программы родители-опекуны:

- обсуждали семейные нормы и правила поведения;
- анализировали наиболее распространенные стереотипы отношений в семье.

Таким образом, работа по сопровождению опекунских семей помогает улучшить качество различных сфер их жизнедеятельности, гармонизировать взаимоотношения в системе «ребенок-опекун», способствует успешной социализации детей и интеграции в общество.

Список литературы

1. *Арестова Т. З.* Подготовка опекунских семей // Актуальные вопросы социальной работы, 2012. № 3. С. 23–26.
2. Материалы Всероссийского *форума* приемных семей [Электронный ресурс]. 2015. URL: <http://cipv.cipv.cipv.cipv.cipv.ru>. (дата обращения: 30.08. 2015).
3. *Ослон В. Н.* Жизнеустройство детей-сирот профессиональная замещающая семья. М.: Генезис, 2006. 368 с.
4. *Morgan G.* Image of organization. Beverly Hills, 1986. 335 p.

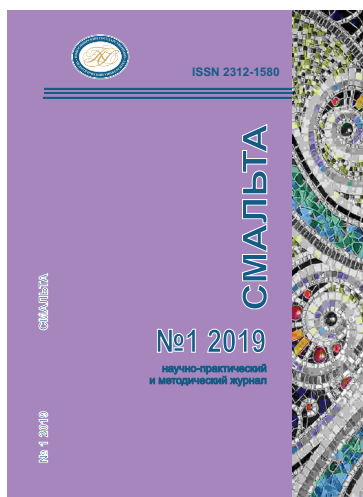

Сведения об авторе

Фамилия, имя, отчество: (на русском и английском языке)	Бугрова Нина Владимировна Bugrova Nina Vladimirovna
Ученая степень, звание: (на русском и английском языке)	нет
Место работы с указанием адреса: (на русском и английском языке)	г. Новосибирск, ул. Ленина, д. 2. Novosibirsk, st. Lenin, 2. Городской центр психолого-педагогической поддержки Citycenter of psychological and pedagogical support
Место учебы (для магистрантов, аспирантов, соискателей, адъюнктов) (на русском и английском языке)	нет
Занимаемая должность (на русском и английском языке)	педагог-психолог I категории educational psychologist I category
Почтовый адрес (полностью)	Россия, 630000, г. Новосибирск, ул. Ленина, 1, кв. 1.
Контактный телефон	+7- ____ - ____ - ____ - ____
e-mail:	bugrova@yandex.ru

О журнале

Международный научно-практический и методический журнал «СМАЛЬТА» (год основания 2014, ISSN 2312-1580, учредитель ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный педагогический университет») публикует научные статьи, практические и методические разработки по *психологии, педагогике, философии* и приглашает к сотрудничеству российских и зарубежных авторов.

Журнал индексируется в системе РИНЦ.

Периодичность выпуска – 4 раз в год. Сроки выхода номеров журнала – конец каждого квартала текущего года.

Материалы для публикации принимаются в течение года. Сроки размещения статей в номерах журнала зависят от соответствия присланных материалов указанным требованиям.

Выпуски журнала (полнотекстовые статьи) размещаются на сайте журнала после размещения № в системе РИНЦ.

Главный редактор – О. О. Андронникова, кандидат психологических наук, доцент, декан факультета психологии, профессор кафедры практической и специальной психологии факультета психологии, Новосибирский государственный педагогический университет, Россия.

